Мертвая долина. Том первый

Автор:
Александра Лисина

Мертвая долина. Том первый

Александра Лисина

Игрок #7

Закончив работу в Рейдане и добыв информацию о темном жреце, отряд Фантомов разделяется надвое. Скароны отправляются в свой родной город, намереваясь отвоевать у глав кланов жизненно важные для себя артефакты. Тогда как остальные гримируют лица, меняют адароновые доспехи на карнавальные костюмы и совершают дерзкую вылазку в Невирон. Без братьев Гайдэ приходится нелегко в стране, где единственной реальной силой является магия ее врага. Но даже в Невироне находятся те, кому близки устремления Ишты и кто готов рискнуть жизнью ради того, чтобы на Во-Алларе наконец-то воцарился мир.

Александра Лисина

Мертвая долина. Том первый

Пролог

«Не думай, что Бог не слышит твоих молитв. Возможно, он просто не считает нужным на них отвечать».

Совет нищего

Закончив утреннюю молитву, господин Ридолас Дул с кряхтением поднялся с колен, скатал расстеленный прямо на земле старенький коврик и с затаенной надеждой взглянул на виднеющуюся впереди безымянную деревушку.

Храни ее Господь.

Быть может, хоть она вернет угасшую надежду?

Увы. В последнее время труппу «Дядюшки Дула» упорно преследовали неудачи: даваемые им представления почти не пользовались успехом; на крики мальчишек-зазывал народ собирался вяло, неохотно; искрометные шутки воспринимались с совершенно непонятной натугой; зажигательные танцы едва-едва расшевеливали падкую на зрелища публику; и даже поразительные умения мальчика-гимнаста, способного за долю сина сложиться в самую невообразимую позу, почти не затрагивали людских эмоций.

Господин Ридолас не первый год колесил по Благословенной долине, и ему нравилось то, что он делал. Нравилось искать среди самых обычных людей необычные таланты, превращая их впоследствии в заслуживающее восхищения мастерство. Бывало, даже выкупал у Сборщиков будущих артистов, ни разу не пожалев на это ни времени, ни средств, ни даже жертв во славу владыки ночи. И во многом именно поэтому имел у жителей долины грандиозный успех. Повсюду его встречали радостными улыбками и раскинутыми в приветственном жесте руками. Много лет подряд на его представления народ собирался огромными толпами…

Однако этой весной с населением Благословенной происходило что-то очень странное. Люди почему-то охладели к представлениям, стали придирчивыми и скептически настроенными. На здоровяка Шигу начали посматривать с ноткой снисхождения, как будто порванные им цепи и скрученные в кольца стальные пруты не являлись чем-то из ряда вон выходящим. Не знавший раньше неудач Лив с недоумением разводил руками, когда в ответ на свои шутки раз за разом не слышал задорного смеха. Пожалуй, только девочкам еще удавалось расшевелить внезапно ставшую привередливой публику, да и то – совсем ненадолго. Причем это случилось так внезапно, что господин Ридолас уже не знал, что и подумать.

За последние три дюжины дней он, к собственному неприятному удивлению, ни разу не добился настоящего успеха. Да, его охотно встречали, приглашали выступить, как раньше, бесплатно угощали свежесваренным пивом, вели привычные разговоры «за жизнь»… Но как только начиналось собственно представление, лица людей очень быстро скучнели и наполнялись необъяснимым разочарованием. Причем это случилось не в одном, не в двух… а почти во всех местах, где ему доводилось появиться! Словно владыка Айд вдруг лишил его своего благословения. Или злой рок повис над головами бродячих артистов. Просто какое-то проклятие. Чтобы за целый месяц ни одного нормального сбора… нет, не может такого быть. Если, конечно, за зиму никто не подменил отзывчивых долинцев на каких-то непонятных, неулыбчивых и крайне взыскательных чужаков.

Господин Дул тяжело вздохнул, оглянулся на невысокий пригорок, на котором его уже пол-оборота ждала остальная труппа. Со смешанным чувством покосился на смирных лошадок, третий год исправно тянувших на своих плечах весь его невеликий скарб, умещающийся в двух стареньких повозках. Затем снова посмотрел на показавшуюся впереди деревню и мысленно испросил у владыки Айда благословения.

– Охрани, повелитель, от неудачи, – беззвучно прошептал он, привычным движением доставая из-за пояса нож. – Яви волю свою, господин мой. Услышь мою просьбу. Прими мою жертву. И дай смелости правильно растолковать твое повеление, ждущее нас за этим поворотом. Дарэ.

Господин Дул бестрепетно полоснул лезвием по левому запястью, на котором и так имелось немало шрамов, спокойно проследил за тем, как кровь тоненькой струйкой стекает по коже, медленно и словно неохотно проливаясь на потемневший от времени жертвенный камень. Терпеливо дождался, пока наполовину вросший в землю валун покраснеет полностью, и только потом аккуратно замотал руку специально приготовленной тряпицей.

Вот и все.

Жертва принесена. Все слова сказаны. И если милосердному владыке будет угодно, то сегодня труппу будет ждать не только успех, но и теплая постель, и бесплатная еда, и даже звонкая монета. А если же нет, значит, жизнь старого бродяги стала не угодна повелителю ночи. И значит, нет больше смысла испытывать его терпение – в этом случае господину Ридоласу останется только

смиренно принять волю покровителя, склонить перед ним седую голову и отдать наконец Айду то последнее, что еще оставалось.

Закончив с раной, хозяин бродячего цирка снова вздохнул и медленно двинулся в обратный путь.

– Едем, – сухо велел он, встретив вопросительные и откровенно тревожные взгляды из повозок. – И да поможет нам Айд.

– Дарэ, – нестройно откликнулась труппа. Почти сразу в воздухе щелкнул умело раскрученный одним из мальчишек бич. Отзываясь на команду, низкорослые лошадки послушно напряглись. Их серые гривы, подстриженные почти под корень, дружно вздрогнули, такие же короткие хвосты вяло мотнулись из стороны в сторону. Но свое дело лошадки знали – крытые старенькой, хотя еще довольно справной тканью повозки со скрипом стронулись с места и неохотно покатились под уклон, с каждым мгновением все быстрее и быстрее приближая невезучую труппу к хорошо знакомым воротам, за которыми их ждало решение владыки Айда, вечного и справедливого.

Настороженно следя за приближением деревянного частокола, господин Дул незаметно очертил голову охранным кругом, осторожно потрогал намокшую повязку на левой руке и с некоторым облегчением подумал, что это – хороший знак: владыка ночи любит свежую кровь. И то, что повязку уже можно выжимать, ему наверняка понравится: что, как не это, свидетельствовало о чистоте намерений дарящего?

От последней мысли в душе наконец загорелась слабая надежда. Однако горела она недолго – ровно до того времени, пока труппа не миновала гостеприимно раскрытые ворота и не попала на непривычно пустую улицу, где, против обыкновения, никто не пожелал встретить долгожданных гостей. Никто не перехватил их по дороге, не поинтересовался жадно, надолго ли они и как скоро настанет представление – деревня казалась вымершей. Заброшенной. И только по некоторым признакам вроде бесстрашно распахнутых ставен, бодро болтающегося на веревках белья или мокрым следам у колодца, где кто-то совсем недавно набирал, а потом неосторожно опрокинул ведро воды, можно было догадаться, что это далеко не так.

В полнейшей растерянности труппа миновала подозрительно молчаливые дома, из которых по-прежнему никто не спешил выскакивать, звенящими голосами оповещая соседей о том, что «…наконец-то дядюшка Дул приехал!», проехала мимо развалившихся в теньке псов, которым не было до чужаков никакого дела, засеянных огородов, пустых завалинок возле крепких заборов, на которых в такой солнечный день почему-то не сидело ни одного старика…

От нехорошего предчувствия у господина Ридоласа болезненно сжалось сердце.

А когда повозки вывернули с единственной улочки на небольшую площадку перед домом местного старосты, он неожиданно понял, почему в последнее время им так не везло, куда подевались жители и почему все они нашлись именно здесь. В самом центре немаленькой деревни. Вокруг наспех сооруженного помоста, на котором под веселый смех и восторженный рев разноцветной толпы какой-то полуобнаженный парень с поразительной легкостью на спор ломал конские подковы. А второй с таким же невероятным проворством играл тремя длинными стальными прутами, смутно похожими на кочерги.

Господин Ридолас аж закаменел от неожиданной догадки.

– Конкуренты… – неверяще прошептал за его спиной гимнаст Брит, поддержанный нестройным гулом сперва растерянных, а потом и откровенно раздраженных голосов.

И вот тогда хозяин бродячего цирка наконец увидел истинную причину своих бесконечных неудач. А осознав, мгновенно помрачнел и впервые за многие годы почувствовал, как в его душе шелохнулась справедливая жажда мести.

Глава 1

Возле последнего дома господин Ридолас, велев своим оставаться на месте, спрыгнул с облучка, твердо намереваясь выяснить, откуда тут взялись наглые чужаки. Кинув поводья ближайшему из мальчишек, он немного нервно поправил старую шляпу, огляделся по сторонам, но потом напомнил себе о недавней

жертве и решительно двинулся вперед. Однако толпа впереди оказалась настолько плотной, что почти сразу стало ясно – быстро добраться до чужаков ему не удастся. Придется прорываться с боем. К тому же нешуточным: представление уже в самом разгаре, люди ощутимо напряжены, у мужиков кулаки сжаты, мысли с беспокойством крутятся вокруг того, сумеют ли они с такой же легкостью повторить то, что творит негодяй на помосте; у девок глаза горят неподдельным восхищением; бабы незаметно прихорашиваются и торопливо вспоминают о том, как именно надо стрелять глазками; у детворы рты распахнуты так, что вот-вот порвутся. Деревенские едва не пожирают этот несчастный помост жадными взорами. Еще пара минок, и тот просто задымится! Дай только волю эмоциям!

Господин Ридолас, оглядев возбужденные, раскрасневшиеся лица вокруг, заметно нахмурился, заколебался, но все-таки неохотно признал, что если начнет сейчас высказывать свои претензии, то, скорее всего, ничего не добьется. А то и тумака получит от деревенских за безнадежно испорченное представление. Не говоря уж о том, что в ближайшие пять лет в этой деревне и в большинстве окрестных ему лучше не появляться: толпа – зверь злопамятный, агрессивный, упрямый. Тогда как ему сейчас прикрывает спину только один-единственный силач, который никогда не умел сражаться с невооруженными крестьянами, хлипкий подросток, основная сила которого крылась в остром, но пока бесполезном язычке, трое совсем юных мальчишек и две молодые женщины, которых надо непременно беречь, потому как на них одних сейчас держалось благополучие труппы.

С трудом заставив себя стоять спокойно, господин Ридолас с раздражением посмотрел на самодельную сцену, на которой какой-то незнакомый парень в очередной раз уронил на доски сломанную подкову, и невольно задержал на нем оценивающий взгляд.

А чужак хорош собой – высок, отменно сложен, обнажен по пояс и совсем не боится демонстрировать гуляющие под кожей мышцы. Приятные черты лица, бронзовые волосы, отдающие на свету отчетливой рыжиной. Крепкие руки, мощная шея, красивый торс. Невероятно сильные пальцы, раз за разом ломающие толстые подковы… не исключено, что когда-то он был кузнецом: вон какие широкие ладони. Да и плечи под стать. Аж лучится весь нерастраченной мощью, стервец, откровенно бахвалится перед девками, играет молодой силушкой, однако же пальцы подворачивает, когда за подкову берется, совершенно особенным образом. Да, видимо, все-таки кузнец. Который почему-

то бросил прибыльное дело и ушел на тракт, будто считал это лучшей долей.

Впрочем, пути богов неисповедимы, поэтому вопрос о причинах Ридолас Дул оставил без ответа и, заметно поостыв, пригляделся к чужакам повнимательнее.

Второй парень тоже был хорош, хотя и смотрелся далеко не так внушительно, как первый: чуть поуже в кости, справно одетый, подпоясанный простой веревкой вместо обязательного для каждого семейного мужика ремня. Мешковатая рубаха, закатанные до колен штанины, пыльные сапоги, сиротливо валяющиеся под помостом… однако силушкой его владыка Айд тоже не обидел – тяжелые металлические прутья (никак заготовки ему неудачные местный кузнец одолжил?) так и летали в его руках, так и порхали невесомыми палочками, словно бы не из железа были сделаны, а из дерева. Причем чужак их не то что ни разу не уронил, но даже виду не показал, что хоть сколько-нибудь устал.

По достоинству оценив этот рискованный трюк, господин Ридолас озадаченно моргнул.

Ничего себе! Неужто совсем не боится задеть соседа?! Или так уверен в своих силах, что не держит даже мысли об ошибке?

Тем временем чужак ловко перехватил все три прута в воздухе, лихо поклонился, тряхнув русой головой, а потом спрыгнул на землю и охотно продемонстрировал ближайшим зрителями свои снаряды.

Бородатые мужики только уважительно крякнули, ощутив несомненную тяжесть прутьев и убедившись в том, что никакого обмана нет, затем одобрительно покосились на жилистую фигуру парня и недоуменно покачали лохматыми головами. Он же, оставив им железки, гибким движением взметнул себя обратно на помост, таинственно улыбнулся, наповал сразив стоящих поодаль девушек белозубой улыбкой. А потом вытащил из какого-то мешка пару кинжалов, хитро подмигнул и, не поменявшись в лице, вдруг метнул их в ухмыляющегося бронзоволосого.

Без всякого предупреждения.

В спину.

Так буднично и просто, словно каждый день только и делал, что покушался на простых людей.

Господин Дул невольно вздрогнул, слишком уж явственно представив, как оружие с силой вонзится в живое тело, как неловко покачнется от удара раненый, как внезапно изменится его красивое лицо, распахнутся в немом удивлении глаза, брызнет на доски горячая кровь…

Он даже инстинктивно напрягся в ожидании болезненного вскрика, но второй парень как почуял неладное – вдруг стремительно обернулся, проворно уклонившись от летящей навстречу смерти, поразительно спокойно проследил за тем, как кинжалы, не причинив ему ни малейшего вреда, с глухим стуком воткнулись в стену ближайшего дома. Смерил русоволосого многообещающим взглядом. Потом так же спокойно наклонился, подобрал с помоста две новенькие подковы и, словно в отместку, небрежно запустил их в напарника. Да с такой силой, что если бы цели достигла хотя бы одна, лежать потом бы дураку на этих самых досках с проломленной головой.

У господина Ридоласа тревожно екнуло сердце. Но русоволосый благополучно перехватил подковы прямо в воздухе, криво усмехнулся, заслышав запоздалые испуганные вскрики из толпы. Крутанул их на ладони, будто примериваясь. Наконец перекинул обратно напарнику, и потом… эти ненормальные вдруг начали жонглировать! И до того ловко, что у зрителей внизу, едва не начавших икать с перепугу, вырвался слаженный вздох.

Господин Ридолас, позабыв про недавний гнев, неверяще замер. А потом заметил, что движения парней начали постепенно ускоряться, ошарашенно проследил за тем, как силач поднял в воздух еще четыре подковы (видимо, местный кузнец захоронку свою открыл ради такого случая или же в срочном порядке перепортил всех местных лошадей), удивленно моргнул, пытаясь представить себе, сколько времени и сил ушло на проработку этого трюка. Осмыслил разницу. А затем вдруг с горечью осознал, почему его собственную труппу стали принимать так прохладно.

Да уж… такое зрелище не каждый день увидишь.

Он невольно затаил дыхание, больше не желая чужакам поражения. Тогда как они вдруг начали перебрасывать подковы то выше, то ниже, играли с ними,

ловко перехватывая прямо в воздухе из самых причудливых положений. Однажды бронзоволосый рискнул даже пропустить одну под коленом, явно поддавшись настроению толпы и собственному куражу. А когда подковы наконец перестали мелькать перед глазами и одна за другой оказались в руках удивительных жонглеров, завороженные зрители отреагировали такими овациями, что господин Дул внезапно поймал себя на мысли о том, что завидует. Причем на тоскливой мысли, очень грустной, рядом с которой недавно бушевавший гнев окончательно утих и посрамлено уполз куда-то на задворки сознания.

Да и чего теперь злиться? У столпившихся вокруг людей так ярко горели глаза, а лица были до того выразительны, что бессмысленно пытаться их переубедить. Тут уже ничего не поделаешь: незнакомцы заполучили их с потрохами, потому что умудрялись творить на помосте такие вещи, которых немолодой циркач ни разу за свою долгую жизнь не видел.

Некстати вспомнив жертвенный камень у дороги, господин Ридолас помрачнел. И, машинально повторяя про себя слова утренней молитвы, едва не пропустил момент, когда незнакомцы красивым, отработанным движением завершили удачное выступление, лихо откланялись и под восторженные крики зрителей удалились со сцены. Он хотел было последовать за ними, чтобы спросить, кто такие и откуда взялись в Благословенной, однако, как оказалось, представление на этом не закончилось: почти сразу на помосте появился симпатичный худощавый паренек с коротко стриженными светлыми волосами и тонкими пальцами прирожденного музыканта. А следом из-за импровизированных кулис выбежала широкогрудая, зубастая, невероятно лохматая псина неопределенной породы. Причем очень крупная псина. Гораздо крупнее тех, что сидели на цепи во дворах здешних старожилов. И, наверное, крупнее даже тех, которые отъедались на дармовой похлебке при многочисленных храмах.

Поначалу господин Дул не понял, при чем тут собака, но все-таки заинтересовался, решив обождать с вопросами еще немного. А толпа уже довольно загудела, захлопала, и он снова поймал себя на мысли о некстати проснувшейся зависти.

Тем временем паренек на помосте сделал странный жест, по которому могучий пес послушно поднялся на задние лапы. А затем, к полному восторгу публики, еще и пошел в таком неприличном виде, забавно помахивая хвостом и высунув от усердия язык. Сделав вокруг хозяина полноценный круг, с удовольствием

схрумкал брошенный юношей сухарик, довольно заурчал, пару раз бодро подпрыгнул, явно надеясь на новое угощение. Но получил вместо вкусненького еще один знак и, шумно облизнувшись, снова поднялся. Только на этот раз не на задние, а на передние лапы, при этом поразительно ловко удерживая равновесие.

Услышав удивленные шепотки среди зрителей, юноша слабо улыбнулся. А затем как-то по-особенному свистнул, сделал широкий шаг в сторону и непонятно кому подмигнул.

Собака как будто ждала этого – радостно взвизгнув, серой молнией кинулась к хозяину, ужом протиснулась у него между ног, смешно извиваясь и неистово нахлестывая воздух пышным хвостом. Они так и пошли: парнишка неторопливо вышагивал по помосту, громадный зверь охотно вился у него в ногах, после каждого шага нетерпеливо подпрыгивая, толкаясь носом и всячески выражая бурный восторг. Женщины, глядя на него, широко улыбались, мужчины только хмыкали в бороды, детвора восторженно тыкала пальцами в «большую послушную собачку». А потом радостно запищала, когда разыгравшийся пес в какой-то момент высоко подпрыгнул и смачно лизнул хозяина в нос, после чего поспешно отскочил и заискивающе припал к полу, словно всем видом говоря: я случайно, честно-честно!

Юноша, брезгливо утеревшись, погрозил ему кулаком, но зверь, видимо, совсем разошелся и от избытка чувств вдруг совершил такой невероятный прыжок, перекувырнувшись через собственную голову, что первые ряды зрителей от неожиданности даже отпрянули. И лишь через пару синов сообразили, что на самом деле это просто еще один трюк, а здоровенный пес, лихо закручивающий на помосте настоящее сальто, ничуть не смущается ни своими размерами, ни собственным (весьма далеким от щенячьего) возрастом.

К тому же было хорошо заметно, что ему это нравилось. Причем так сильно, что он не остановился до тех пор, пока хозяин не подошел и не взялся властно за мохнатую холку, заставив его с тихим взвизгом упасть на брюхо.

– Спокойнее, – тихо велел паренек, настойчиво заглядывая в диковато горящие глаза пса. – Еще спокойнее, Лок. Твоя работа пока не закончена. Помнишь?

Пес, мгновенно присмирев, с обожанием лизнул держащую его руку, после чего ловко вывернулся и шустро спрыгнул на землю. А затем, уверенно поднявшись на задние лапы, ловко поймал пастью брошенную хозяином шапку и пошел между рядами послушно расступающихся людей, выразительно подставляя ее под чужие руки.

– Благодарим вас за внимание, – низко поклонился с помоста парнишка. – На сегодня представление окончено. Надеемся, нам удалось вас удивить и порадовать. Да благословит вас бессмертный владыка и да одарит за щедрость и бескорыстие.

– Дарэ, – охотно откликнулась толпа, и в шапку тут же посыпались многочисленные монеты.

Господин Ридолас в третий раз за утро тяжело вздохнул, а потом неожиданно понял, что делать ему в этой деревне больше нечего: после того, что показали сейчас чужаки, все его номера, придуманные за недолгую зиму, будут выглядеть пресно и скучно. Никакого зрелища не получится. Да и денег заработать не удастся. Придется разворачиваться и уходить восвояси, с тоской сознавая, что рядом с этими молодыми лихачами им совершенно нечего ловить.

«Мы им не соперники больше. Совсем. Они – победители, и этим все сказано».

Господин Ридолас с тяжелым сердцем отвернулся и побрел прочь, с горечью слыша, как за его спиной люди со смехом бросают в шапку звонкую монету. Ему даже возмущаться уже не хотелось: все было слишком очевидно. Чужаки молоды, полны сил, у них есть в запасе необычные трюки и уловки. Они с невероятной легкостью покорили сердца зрителей, и отвоевать их обратно уже не удастся. Как ни старайся, но для этого не хватит ни зажигательных танцев Дии и Лики, ни шуток Лива, ни всех умений Брита. Не говоря уж о том, что неоспоримая сила Шига уже дважды за сегодняшний день была поставлена под сомнение.

Неужели вот он, ответ владыки?

Неужели это и все?

Неужели для них остался лишь один выход?

Господин Ридолас Дул сгорбился и опустил плечи.

– Ну что? – с тревогой спросили девушки, когда он, вернувшись, понуро забрался обратно в повозку.

Хозяин не ответил. Только неопределенно качнул головой и с грустью посмотрел на перевязанную руку. После чего еще раз вздохнул и велел разворачиваться в сторону трактира: ничего другого им не оставалось. Лишь перекусить напоследок, дать роздых уставшим лошадям и поскорее направиться вон, стараясь не думать об очередной (видимо, последней для него?) неудаче.

В единственном на всю деревню трактире было закономерно пусто, так что расстроенным циркачам никто не помешал зайти и безнаказанно занять самый лучший стол. Благо других претендентов не имелось: все они сейчас толкались на площади, облепив удачливых чужаков, как мухи – крынку со сладким вареньем. Всем хотелось самолично убедиться, что силач ломал настоящие подковы. Смешливым красавицам, вопреки наставлениям матушек, не терпелось поближе взглянуть на его обнаженный торс. Взрослые, бородатые, а порой и седые мужики испытывали какой-то детский восторг, старательно подбивая второго парня на какое-нибудь лихачество. Тогда как любопытной детворе наверняка хотелось до дрожи в коленках погладить необычного пса, который вызвал у них столько искреннего восхищения.

Не раз бывавшие в роли кумиров, бродячие артисты хорошо знали, что это такое, когда тебе благоволит толпа. И знали, что нет ничего более затягивающего, чем хотя бы недолгое время качаться на волнах заслуженной славы. Когда на тебя смотрят во все глаза, когда в этих глазах горит неподдельное восхищение. Когда тебя любят. Неотрывно следят в надежде увидеть еще что-нибудь этакое. И когда тебя готовы на руках носить всего лишь за доставленное мимолетное удовольствие.

Господин Ридолас, завидев вышедшего из кухни хозяина – цветущего розовощекого толстяка, невесело кивнул.

– Господин Дул!

– Здравствуй, Ир, – вяло отозвался он. – Ты был прав: я все-таки сюда вернулся.

– Когда представление будете давать? – деловито осведомился трактирщик, подходя к столу. – Завтра? Послезавтра?

Господин Ридолас покачал головой.

– Нет. На этот раз мы проездом.

– Как? – искренне огорчился Ир. – Совсем не задержитесь?

– Нет, Ир. Некогда.

Трактирщик окинул взглядом откровенно мрачного верзилу Шига, которого знал уже не первый год; грустных девушек, из которых светленькая Лика всегда умела поднять настроение, а темненькая Дия могла довести своим танцем до настоящего исступления; подметил насупленные брови Брита, который уже второй год колесил по долине вместе с труппой; непривычно серьезного Лива, от которого, против ожидания, не донеслось с порога ни одной скабрезной шутки… и растерянно развел руками.

– Жаль. Честное слово, господин Дул, мне очень жаль. Я так надеялся посмотреть на ваших искусниц…

Девушки переглянулись и неловко отвели глаза. Сегодня они искренне рассчитывали блистать и поражать воображение мужчин. Сегодня надеялись, как и всегда, вызвать здоровую зависть у женщин. Их аккуратные фигурки были намеренно утянуты в поясе так, чтобы подчеркивать и увеличивать стройность и без того узких талий. Пышная грудь Лики едва не прорывала тугой лиф. Острый носик Дии был уже готов недовольно сморщиться от громких выкриков разгоряченных зрителей… но где они, эти зрители? Где аплодисменты и заслуженная слава?

То, что происходило на помосте, видели все. И все понимали, что хозяин не зря решил уехать, вопреки обычаю, без представления.

Господин Ридолас невесело усмехнулся.

– Что поделаешь, Ир? Кажется, нас опередили.

– А, вы про новеньких? – довольно заулыбался трактирщик. – Это да. Вчера только приехали к ночи, а сегодня – вон что выдали.

– Откуда они взялись? – мрачно пробурчал Шига, недобро зыркнув исподлобья.

– Айд знает. В прошлом году еще не было, а в этом – вот они, родные. Блистают везде, куда только приходят. Я две дюжины дней тому у тетки был в Болотцах: как их увидел, так и обомлел. Как они с ножами управляются! Как головы с фишками морочат! А как у них девчонка поет… с ума сойти! Даже не думал, что такой голос хоть раз услышу! Настоящее чудо! Да и пес тоже хорош. И играют на байре они отменно… я как подошел, так и сказал, что у нас им будут рады. Правда, не думал, что завернут, а оно вон как вышло. Но я прав оказался – с самого утра они народ к себе привязали. Даже пиво выпить… ха-ха… и то с рассвета так никто и не зашел!

– Значит, это ты их сюда пригласил? – недоверчиво переспросил господин Ридолас, с трудом переваривая неприятные новости.

– Девчонка? – неожиданно встрепенулся Лив.

– Играют? – вопросительно приподняли брови девушки.

– Именно, – закивал трактирщик. – Такие сценки делают, что я со смеху едва не лопнул. Особенно про короля и шута. Настоящие покатушки. Они себя называют «Веселая компания», и должен сказать, что это действительно так. Если уж старик Борго примчался спозаранку, чтобы послушать их шутки, то… короче, вот так.

– Дела-а… – неопределенно протянул Лив, нахмуривая тонкие брови. – А давно они тут бродят?

– Да с месяц, наверное. Может, больше. Как сезон начался, так и гуляют по дорогам, веселят народ. Я про них даже от проезжих уже слышал.

Неожиданно снаружи послышался шум.

– Ну вот, – обрадовано вскинулся трактирщик. – Уже и закончили. Наконец-то народ решил горло промочить. Что вам принести, уважаемые? Только думайте быстро – сейчас тут такое начнется…

Ир оказался совершенно прав: едва гости успели заказать по миске с кашей и кружке кисловатого пива, как дверь трактира бодро распахнулась, и внутрь хлынула взбудораженная толпа, наперебой обсуждающая недавнее представление. Причем если обычно женщины не снисходили до посещения единственного в деревне питейного заведения, оставляя это на совести мужей, то сегодня и их среди зашедших оказалось немало. А следом за местными появились и герои сегодняшнего дня: оба крепких парня, чем-то неуловимо похожие друг на друга; громадный пес, невозмутимо вышагивающий впереди всех; еще один молодой парень, смотрящийся по сравнению с первыми довольно худым, хотя тоже подтянутым и с виду очень гибким. А самым последним зашел тот самый светловолосый паренек, ведущий под руку старого, сгорбленного, совершенно седого деда, при виде которого господин Ридолас удивленно приподнял брови.

Это еще что за новости? Старик? Неужели это и есть их хозяин?!

– Сюда, дедушка. Осторожнее, не споткнись… вот так, садись-ка… – вдруг сказал паренек, аккуратно усаживая старика не ближайшую лавку и одновременно развеивая последние сомнения господина Дула. – Потихоньку. Помаленьку…

– Я могу сам, – упрямо просипел древний дед, с видимым трудом опускаясь на жесткое сидение.

– Я знаю, дедушка. Я только помогаю.

– Гайка…

Паренек тихо вздохнул.

– Дедуль, мы же договорились!

Старик тоже вздохнул, отбросил с морщинистого лица длинные седые лохмы (давно, кажется, нечесаные, хотя и тщательно вымытые), потом нахмурил такие же седые, невероятно лохматые брови и уставился на «паренька» поразительно живыми, совсем не стариковскими глазами.

– Гайка, я еще не настолько плох, чтобы ты бы меня на руках носила.

– Да, дедуль. Я не сомневаюсь.

– Если бы только бабушка видела…

Господин Ридолас, каким-то чудом расслышавший в царящем вокруг гаме каждое произнесенное слово, изумленно округлил глаза и ошарашенно уставился на «паренька». Да как же это… да что ж это такое… да неужто он – это и не «он» вовсе?!

Он быстро оглядел старенькие, штопанные не меньше сотни раз штаны, узкие плечи, короткие, всего до плеч, волосы цвета спелой пшеницы. Наконец подметил подозрительно узкую талию, искусно скрытую за просторной мешковатой рубахой (явно – с чужого плеча и тоже застиранную до невозможности), а потом вдруг увидел вблизи лицо и пораженно замер.

– Девчонка! – тихо воскликнул Лив, тоже уставившись на чужачку во все глаза. – Эй, Шига, ты видишь?!

Здоровяк хмуро кивнул.

– Действительно, девчонка!

– Тихо вы, – фыркнула Лика, ревниво смерив одетую в мужскую одежду девушку с головы до ног. – Нашли чему удивляться! Все бы вам только на девок глазеть!

Лив только растерянно покачал головой: у чужачки оказалась поразительно светлая, как будто специально выбеленная кожа. А еще – очень тонкие руки, которые явно никогда не держали ничего тяжелее котелка; красивый овал лица с очень правильными чертами и весьма необычные глаза – сине-зеленые, которых он еще ни у кого в долине не видел. Весьма запоминающиеся, надо

сказать, глаза. Яркие. Как будто пылающие изнутри своим собственным светом. Причем издалека это было не так заметно, зато сейчас, вблизи…

Лив, когда по нему мазнул ее взгляд, почувствовал, как по спине пробежали волнительные мурашки. А потом вздрогнул от толчка под столом, наткнулся на предупреждающий взгляд Лики и поспешно отвел глаза. Правда, продолжал рассматривать странную девушку исподтишка – слишком уж она была необычной. И одеждой своей, и трущимся под ногами псом, который в тесноте трактира показался ему еще больше, чем на улице; и даже усевшимися рядом мужчинами, которые, едва у стола показался Ир, уверенно заказали себе плотный обед и большую кость для голодной собаки.

Впрочем, отчего бы этой девушке не ходить в штанах? Небось, в платье так ногу не задерешь и больше половины трюков с псом не покажешь. Так что это просто костюм. Старенький, неудобный, непривычный, но костюм. Как широкие юбки у Дии или тугой корсет для Лики. Ничего больше.

Ели чужаки уверенно и неспешно. Совсем не так, как положено вечно голодным бродягам. На горячее мясо не набрасывались, хлебные лепешки не хватали всей пятерней. Насыщались неторопливо, со здоровым аппетитом, который не мог не разгуляться после долгого представления. В общем, так, как могут есть люди, уверенные в завтрашнем дне и совсем не привыкшие к пустому кошельку. Видно, дела у них действительно шли хорошо. И, видно, необычные трюки действительно приносили неплохой доход.

Устроившийся под столом пес тоже громко хрустел костью, которая была принесена трактирщиком немедленно. И даже старик проявил недюжинный интерес к трапезе. Видимо, хоть годы и брали уже свое, но поесть дедуля любил. Вон как трескает кашу с тушеным мясом. Судя по всему, зубы еще не все потерял. Одна только девушка ела вяло и неохотно. Но зато она не забывала то и дело подкладывать деду самые аппетитные кусочки и постоянно следила за ним краешком глаза, готовая в любой момент вскочить и заботливо подать что-нибудь еще.

Трактирщик был просто счастлив. Вместе с артистами в зал набилось столько народу, что он с двумя слугами едва успевал подавать на столы и забирать грязную посуду. Пиво лилось рекой. Взволнованные люди азартно спорили и бурно обсуждали особенно понравившиеся трюки. Так же азартно косились на чужаков, но мешать им не смели: хищно поглядывающий с пола пес явно не был

таким же смирным, как на сцене, а уж зубы у него оказались такими внушительными, что без труда перекусили коровью бедренную кость у самого основания. Настоящее чудовище. Так что неудивительно, что тот стол старались вежливо огибать стороной даже слуги.

Наконец чужаки насытились и с удовлетворенным вздохом отодвинули от себя блюдо с остатками жареного гуся. Потом дождались, пока наестся медленно, с явным трудом жующий старик, и вопросительно глянули на девушку.

– Когда поедем?

– Как дедушка решит. – Она пожала плечами и тронула старика за плечо: – Дедуль, ты не сильно устал?

– Нет, – невнятно буркнул тот, догрызая мясо на кости.

– Куда хочешь пойти дальше? На север? На юг?

Старик со вздохом отложил кость и опустил на стол перемотанные какими-то тряпками ладони, позволив девушке вытереть испачканные жиром пальцы. Потом отбросил с лица бесконечно мешающиеся лохмы и с укором спросил:

– Когда ты меня пострижешь наконец?

– Бабушка год не велела, – неожиданно строго посмотрела девушка. – Ты же не хочешь обидеть ее память?

– Нет.

– Тогда терпи. Еще половина срока осталась.

Дед тяжко вздохнул. Но вдруг встрепенулся, как-то странно наклонил голову и, пристально взглянув на внучку, скрипучим голосом попросил:

– Спой мне, Гайка. Спой что-нибудь… для настроения. А потом и поедем. Куда-нибудь на юг. Где тепло. И где мои старые кости наконец хоть немного согреются.

Девушка тут же кивнула.

– Хорошо, дедушка. Что ты хочешь, чтобы я спела?

– Все равно. Я хочу послушать твой голос.

Господин Ридолас краем глаза отметил, как разулыбался до ушей трактирщик и как мгновенно примолк весь остальной народ, а потом с удивлением понял, что все с нетерпением ждут песни. Причем ждут так, словно она действительно того стоила.

Девушка отодвинула от себя тарелку, знаком велела слугам убрать со стола. Достала из дорожного мешка простенькую лютню и, легонько перебрав отозвавшиеся нежным перезвоном струны, вопросительно взглянула на сидящих рядом мужчин.

– А без слов можно?

– Конечно, – пожал широкими плечами бронзоволосый.

– Мне без разницы, – кивнул второй. Третий знаком показал, что тоже не возражает, и она успокоенно отвернулась. А потом снова тронула необычный инструмент и, улыбнувшись деду, тихонько замурлыкала какую-то необычную мелодию, которую, благодаря воцарившейся в зале тишине, могли слышать все желающие.

Господин Ридолас в третий раз за сегодняшнее утро несказанно удивился – голос у девушки действительно оказался потрясающим: высоким, звонким и до того чистым, что в это просто не верилось. Если бы она захотела, то могла бы прослыть знатной певуньей. Такой голос не отказались бы послушать и взыскательные горожане. Он бы украсил собой любой храм. Любой хор. Даже так, без всяких слов и раскрытия своей истинной силы. А если она когда-нибудь решится спеть по-настоящему…

Циркач пораженно покачал головой.

Да-а-а… надо думать, что весь трактир восторженно замер. Кажется, Ир был прав: голос у девушки изумительный. Недаром затаили дыхание все присутствующие, включая даже женщин. Недаром мужчины отставили пиво в сторону и притихли, а слуги прекратили шнырять по переполненному залу. Потому что по-другому было просто нельзя. И нельзя было не восхищаться поразительным звучанием этого дивного голоса, который совершенно неожиданно объявился на пыльных дорогах Благословенной долины.

Когда девушка замолкла, трактир дружно вздохнул. Но она словно не заметила. Ласково потрепав незаметно пролезшего под ее ладонь пса, уверенно встала, помогла закряхтевшему деду подняться и, заботливо придерживая, проводила его до дверей.

– Не нужно, – отрицательно качнул головой трактирщик, когда один из ее спутников (тот самый силач, что ломал недавно подковы всем на зависть) положил на стол две серебрушки. – За такой голос не жалко и большего. Айд с вами.

– Дарэ, – коротко поклонился бронзоволосый, но деньги не забрал, а затем отвернулся и вместе с двумя другими быстро вышел.

Господин Ридолас проследил за ними до самой двери, ощущая странную ущербность от царящей вокруг тишины. Остро пожалел, что девушка так быстро замолчала. С неожиданной грустью подумал о том, что его время действительно подошло к концу, а потом уронил взгляд в тарелку и прикрыл глаза, чтобы никто не увидел появившуюся там тоску и обреченное понимание своего ближайшего будущего.

Глава 2

Завидев издалека створки городских ворот, неутомимые кони непроизвольно ускорили шаг и вопросительно оглянулись на молчаливых хозяев. Дескать, ну что? Нам туда или еще немного погуляем? Однако те не обратили никакого внимания – их пристальные взгляды были устремлены на вырастающую из Пустыни громаду древнего города, который для всех них был когда-то родным, но к которому с некоторых пор они совершенно не знали, как относиться.

Скарон-Ол встретил гостей неласково: неистовым южным солнцем, под лучами которого немилосердно накалялись доспехи; порывами колючего ветра, так и норовящего швырнуть горсть песка в узкую щель забрала; и абсолютно пустой дорогой, на которой в это раннее утро не виднелось ни одного прохожего. Только голая равнина за спиной, плавно переходящая в самую настоящую Степь; жаркая Пустыня впереди, начало которой угадывалось за последним изгибом своенравной Кайры; палящее солнце в ослепительно чистых небесах и мерный цокот копыт четырех могучих вороных, на которых восседали закованные в такие же черные доспехи всадники.

– Что-то там пусто, – недобро прищурился Гор, изучая далекие ворота. – Ни телег, ни толпы на входе. Ас, ты уверен, что твои не подведут?

– Обещали встретить, – хмуро отозвался Алый, тоже внимательно разглядывая город. – А для торговцев пока рано: они только через оборот подтянутся. Или думаешь, мы зря еще по ночи выехали? Проверь-ка на всякий случай свою дейри.

– Я твою лучше проверю, – фыркнул из-под шлема Адамант. – А ты пока за Бером присмотри.

– Нет, ну что такое-то?! Ну чего опять «Бер»?! – недовольно вскинулся Изумруд, резко натянув поводья и заставив Буцефала остановиться. – Почему всегда только я?! Можно подумать, в последнее время со мной было больше всех проблем!

– С тобой может возникнуть больше всех проблем, потому что, как выяснилось, от твоей дурацкой силы трудно защититься даже нам. Или забыл, что мы не хотели привлекать к себе внимание? И для чего именно надели амулеты, скрывающие ауру?

Бер насупился.

– Я себя контролирую.

– Пока, – согласился с братом Ван, тоже придержав коня. – Но если от тебя последует хоть один взбрык, то все наши усилия пойдут прахом. Ас, и правда: взгляни на него еще разок – ничего лишнего в ауре не торчит? И меня заодно

проверь. Что-то неспокойно вдруг стало.

– Бер, держи себя в руках, – вместо ответа посоветовал Алый, едва повернув голову.

– Блин! Да держу я! Держу!

– Я сказал «держи», а не «заводись». Ты у нас один тут непредсказуемый.

– Да?! А кто нам полдома спалил, когда ему палец прищемили?!

Ас, обернувшись, внимательно посмотрел на возмущенного брата. Долго так посмотрел. И до того выразительно, что Бер, уже набравший воздуха в грудь для непечатной тирады, послушно сник. А потом как-то разом сдулся и, перехватив такие же выразительные взгляды от Вана и Гора, неохотно признал:

– Этот город действует мне на нервы.

– Мы почувствовали, – хмыкнул Ван. – Где-то с пол-оборота назад. Да и глазищи твои красноречивее всяких слов. Из-за них даже мне становится нехорошо.

Бер, тихо ругнувшись снова, поспешно пригасил радужки, чтобы не горели ненормальными изумрудами, и виновато вздохнул.

– Ничего не могу с собой поделать. Чем ближе подъезжаем, тем мне тревожнее.

– Причину пояснить можешь? – лаконично осведомился Гор.

– В том-то и дело, что нет. Но мне все время кажется, что впереди нас ждет… нечто. Не могу описать. Просто чувствую, что что-то не так, и все.

Скароны многозначительно переглянулись.

– А ты вторым зрением пробовал смотреть?

– Да, – совсем помрачнел Изумруд. – Именно после этого мне стало тревожно.

Ас заметно нахмурился и снова повернулся к городу, следом за братьями заставив коня замереть на месте. «Если уж вечно насмешливый и несерьезный Изумруд говорит, что ему не по себе, следует обратить на это внимание. Возможно, мы чего-то не замечаем?»

Он чуть сузил глаза, пристально изучая свою бывшую родину, но в лучах утреннего солнца Скарон-Ол выглядел на редкость величественно и красиво. Высокая наружная стена, в которой чувствовалась несокрушимая мощь; мощные ворота, под которыми приютилась почти незаметная с такого расстояния караулка; далекие крыши, поблескивающие крохотными металлическими искорками; и – множество разноцветных аур между ними, наглядно свидетельствующих о том, что местное население в большинстве своем обладает недюжинными магическими способностями.

Правда, распределялись эти ауры неравномерно: большая их часть концентрировалась в центре города и имела насыщенные цвета старших кланов; средняя зона выглядела гораздо скромнее и лишь изредка радовала взор красно-сине-зелеными сполохами; наконец, со стороны наружной стены ауры магов практически не встречались, а если и встречались, то, судя по цветовой гамме, в которой преобладали фиолетовые и желтые тона, принадлежали не скаронам. Видимо, их обладателями являлись гости города и пришлые чужаки, приехавшие сюда на заработки или ради учебы в воинских школах.

Но самое интересное в том, что границы между этими тремя зонами были довольно четко очерчены и смутно напоминали широкие кольца, каждое из которых, охватывая город по окружности, явно имело свое назначение и статус. Более того, внутри этих колец существовало свое собственное разделение: красные тона Алого клана преимущественно горели в нижне-левой части внутреннего круга, чуть выше располагались Сапфиры, а справа такую же по размерам территорию практически поровну поделили Адаманты и Изумруды. Тогда как все остальные ютились снаружи и занимали гораздо более скромное положение.

Касательно своих Ас, присмотревшись повнимательнее, мог только сказать, что их там немало. А еще то, что близкое расположение аур делало Алый квартал похожим на одно большое ярко-красное пятно, при взгляде на которое возникало острое желание подойти поближе и изучить данный феномен в подробностях. В отношении других кланов он ничего особенного не испытал,

кроме ровного отношения к Сапфиру, обоснованной подозрительности к Изумруду и легкого беспокойства по поводу Адаманта. Он не исключал, что у братьев в этот момент возникли иные ощущения по отношению к кланам. Хотя даже это не могло объяснить причину внезапной тревоги Бера.

– Не знаю, – наконец обронил он, отводя взгляд. – Ничего плохого не чувствую.

– Плохого и я не чувствую, – недовольно буркнул Бер. – Разве я сказал, что там что-то плохое? Но меня туда словно бы… тянет. И вот это мне не нравится!

Гор странно повел плечом.

– Я тоже ощущаю клан. Но довольно смутно.

– И я, – задумчиво отозвался Ван, машинально пытаясь почесать затылок, но наткнулся пальцами на горячий металл и, спохватившись, убрал руку. – Однако это не мешает мне жить. На мой взгляд, было бы любопытственно, как говорит Гайдэ, взглянуть на него поближе. Кстати, Ас, ты уверен, что нам надо таскать на себе полный доспех?

Алый, не оборачиваясь, кивнул.

– Не стоит открывать лица и демонстрировать, что мы не принадлежим кланам. Это привлечет внимание. А мне бы хотелось осмотреться до того, как идти во дворец. И выяснить заодно, сможем ли мы добыть себе амулеты без посторонней помощи. Пока наши дейри закрыты, для местных мы – просто чужаки. Но как только станет ясно, что это не совсем так… а то, что мы не в кланах, будет видно издалека… возникнут вопросы.

– Скароны никогда не выходят из кланов, по крайней мере, живыми, – согласно вздохнул Ван, поправляя шлем. – А наше состояние даже у нас самих вызывает большие вопросы. Если бы не Гайдэ… но светить ее нельзя. И нельзя показывать, что мы ни демона не разбираемся в местных порядках. Так что ты прав: придется и дальше потеть в этих железках.

Бер уныло покосился на жаркое солнце.

– Я бы слазил туда по-тихому, а уж потом разговаривал с кланами. В конце концов, если они упрутся рогом, можем и без них обойтись. В том числе и в плане приобретения амулетов.

– Думаешь, это будет так просто? – насмешливо фыркнул Ван.

– Нет. Но хотелось бы надеяться на лучшее.

– Ас, ты ничего не чувствуешь? – неожиданно спросил Гор, как-то по-особенному прищурившись, и Ван инстинктивно отодвинулся, почувствовав в брате мимолетное присутствие Тени.

Алый, правильно оценив изменившиеся глаза Адаманта, настороженно качнул головой.

– Пока нет. А что?

– Да так, ничего, – тряхнул головой Гор и, вернувшись к своему обычному виду, отмахнулся. – Брат вроде шевельнулся внутри, но опять затих. Все в порядке.

– С тобой у нас не возникнет проблем? – так же настороженно спросил Ас.

– Будем надеяться.

– Смотри, – беспокойно заерзал в седле Бер, тоже кинув на Гора подозрительный взгляд. – Хватит нам буйного меня, чтобы связываться еще и с твоим непонятным братцем. Если проголодаешься, дай знать – мы тебе быстренько двинем в морду и веревками… веревками сверху… нет, лучше сразу в кандалы! Жить рядом с вечно голодным вурдалаком я совершенно не намерен!

– Раньше же жил? – Адамант неожиданно улыбнулся. Так выразительно, что у остальных холодок пробежал между лопатками. – Не волнуйся: в качестве пищи ты для меня совершенно неинтересен.

– Какое счастье… – пробормотал Бер. – Ас, не пора ли нам дальше? Где там твои побитые Алые, которым мы не все зубы вышибли в прошлый раз? Забыли, может, о сроках? Или передумали насчет амулета и решили нас кинуть?

– Ну и словечек ты нахватался, – со смешком заметил Ван.

– Это все Гайдэ виновата. До встречи с ней я был замечательным, примерным, очень послушным и вообще…

– Пора, – внезапно кивнул Ас и решительно тронул поводья. – Все, едем – нас встречают.

– Очень хорошо, – не скрывая облегчения, выдохнул Бер. – А то мне опять не по себе.

Гор с сомнением взглянул на ставшего в последнее время нервным брата, словно гадая, не стоит ли принять более решительные меры, но потом подъехал ближе и положил руку ему на плечо, ненадолго впустив в себя Тень. Бер сперва вздрогнул от неожиданности, ошарашенно обернулся и в изумлении воззрился на стремительно бегущие по рукаву дорожки инея. Но потом прислушался к себе, озадаченно моргнул и… облегченно выдохнул.

– Спасибо, брат. Не знаю, как ты это делаешь, но мне легче.

– Тень съедает эмоции, – спокойно пояснил Адамант, не торопясь убирать руку. – Хорошие ли, плохие… ей все равно, чем питаться. И иногда это может пригодиться. Чувствуешь разницу?

– Да. Меня как будто… приморозило? – с легким удивлением осознал причину перемен Изумруд.

– Это всего лишь Тень. И еще один наш брат, который хранит тебя от нее. Не бойся.

– Да я и не боюсь. Кажется, еще немного, и я вообще чувствовать разучусь.

Ас тоже покосился на притихшего Бера, снова подметил подозрительную черноту в глазах Гора, внимательно проследил за тем, как потихоньку тает на адароне свежевыпавший иней, и удовлетворенно кивнул. Ну вот, теперь все правильно: как только брат пришел в себя, подспудное ощущение тревоги, грызшее его нутро последние пол-оборота, куда-то рассосалось.

Ненадолго обернувшись и встретившись взглядом с Гором, Ас едва заметно кивнул. Получил от брата такой же быстрый кивок и, убедившись, что неуравновешенный Изумруд находится под пристальным наблюдением, успокоенно отвернулся.

Вот теперь порядок. Теперь, если Бера вдруг опять занесет, Адамант приведет его в чувство. И, будем надеяться, сумеет сделать это так, чтобы не засветиться самому. У братьев и так было слишком шаткое положение, чтобы рисковать. Так что пусть Гор присмотрит. По крайней мере, спокойствия у него хватит на троих.

Так, что там на воротах?

Снова взглянув на Скарон-Ол вторым зрением, Ас быстро нашел возле караулки знакомую дейри, которую еще пару минок назад там не было, и мысленно хмыкнул. Щас, как говорит сестренка, Алые смогли бы забыть, кому обязаны жизнью! Явились как миленькие! Вон, мнутся у ворот и с надеждой всматриваются вдаль, пытаясь увидеть так называемого «владыку», которому еще в Рейдане умудрились принести клятву верности и которого с нетерпением готовились встречать. Вот только не знали они, что аура у «владыки» была скрыта амулетом мастера Драмта. А раз не знали, то пока и не видели. Хотя нет… уже увидели: выехали за ворота… все трое… и теперь осторожно движутся навстречу.

– Надо же, – приятно удивился Ван. – Ас, ты прав: кажется, они с утра тут болтаются. Ты бы зов им отправил, что ли?

– Только что, – усмехнулся Алый, чуть пришпоривая коня. – Бер, держи язык за зубами. Ван, сдай назад. Вроде бы у Алых с Сапфирами натянутые отношения.

Ван только фыркнул.

– Я им эти отношения сам натяну с превеликим удовольствием. Пусть только заикнутся на мой счет.

– Не будут они заикаться, – зловеще улыбнулся Гор, мрачновато сверкнув из-под шлема совершенно черными глазами. – Назвав Аса «владыкой», заикаться они теперь могут лишь от самого факта его присутствия. И никак иначе.

Ас на смешок не отреагировал. Однако амулет под рубахой все-таки почувствовал: чем ближе подъезжали Алые, тем отчетливее нагревался артефакт. Правда, когда до скаронов осталось всего несколько десятков шагов, он так же неожиданно остыл.

Троица скаронов действительно оказалась Алыми. Это было видно по цвету дейри, красноватому оттенку адароновых доспехов и даже лошадиных попон. На левой руке у каждого красовались массивные перстни, обладающие примерно теми же способностями, что и амулет Аса. Лица, правда, были закрыты шлемами, однако гадать долго не пришлось: едва достигнув Теней, чужаки немедленно сняли головные уборы и с некоторой долей неуверенности оглядели доспехи Фантомов.

– Господин?

Ас выехал вперед и властно кивнул переднему – немолодому уже воину с приметным шрамом, который был получен той памятной ночью в Рейдане. Внешне довольно мрачный и изрядно жесткий человек, при виде «владыки» он внезапно посветлел лицом так, словно вдруг увидел исполнение своей заветной мечты. Надо сказать, длилось это всего несколько синов. Но с учетом того, насколько скароны ценили сдержанность, можно было предположить, насколько обрадовала его эта встреча. Быть может, только голос и выдавал сумасшедшее напряжение. Но и с этой проблемой скарон справился довольно быстро.

– Здравствуй, Раэрн. Вы вовремя.

Алые прижали кулаки к груди и почтительно поклонились.

– Добро пожаловать в Скарон-Ол, господин.

– Что вы успели?

– Как вы велели, господин, – отрапортовал Раэрн. – Для вас снят дом во Внешнем городе, приготовлены комнаты, найдены надежный кузнец и маг из числа чужаков, а еще я подал прошение главе клана о личной аудиенции.

– О нас сказал?

– Нет, – спокойно ответил скарон. – А-сат Аро не спрашивал о причинах, поэтому отвечать мне не пришлось.

Ас ненадолго задумался.

– Хорошо. Как оцениваешь наши дейри? Достаточно ли хорошо они закрыты?

Раэрн мельком оглядел братьев и очень осторожно поинтересовался:

– Господин совсем не желает, чтобы его узнали?

– Совсем.

– Тогда я бы посоветовал вам дополнительно закрыть амулет власти. Дейри-то вам удалось хорошо спрятать, однако амулет сам по себе имеет неплохой магический фон.

– Вот как ты нас узнал…

– Да, господин, – едва обозначил улыбку Алый. Но такую легкую, что она вполне могла просто показаться. – Если желаете остаться неузнанным, вам и вашим спутникам придется постоянно носить шлемы и маски. Никуда не выходить без охранных амулетов. Стараться избегать любых встреч и ни при каких условиях не обращаться к магии. Если кто-то поймет, что под масками скрываются скароны, не состоящие в кланах, к вам появится много вопросов.

– Бер, ты слышал? – чуть повернув голову, осведомился Ас.

Изумруд тяжело вздохнул.

– Еще бы. Хотя совсем не уверен, что у меня получится.

– Это касается и Адаманта, – добавил Раэрн, выразительно покосившись в сторону Гора. – Ваш друг очень силен, мой господин. Некоторое время назад я почувствовал близость Тени. Думаю, если бы это случилось в городе, вы бы непременно привлекли к себе внимание.

– Блин, – с чувством выдал Бер любимое словечко сестры. – Это что ж, я теперь и встревожиться лишний раз не могу?!

– Мы наложили на дом особую защиту, господин, – неожиданно вмешался в разговор второй Алый. – Возможно, она не самая сильная, но ее назначение именно в том, чтобы гасить всплески магии. Так что небольшие отклонения общего фона она скроет. Мы подумали, вам это пригодится.

Ван радостно дрогнул, Гор одобрительно хмыкнул, а Бер заметно повеселел.

– Еще как!

– Конечно, – буркнул Адамант. – Если что, тебя можно будет запереть там хоть на месяц и больше ни о чем не беспокоиться.

– Хорошая идея, – признал Ас, оглядев склонивших головы Алых. – Спасибо, не ожидал. Кое для кого это станет большим подспорьем. А кому-то позволит не светить каждый миг своим неуравновешенным даром.

Раэрн странно хмыкнул и хитро покосился на Бера.

– Вообще-то… сила Изумруда практически не влияет на магический фон, мой господин. Изумруд способен изменить настроение, повлиять на чужие эмоции, тонко воздействовать на разум, но для того, чтобы его сила стала заметной, он должен потерять над собой контроль. Например так, как это случилось в Рейдане. Во всех остальных случаях его влияние остается практически незаметным. В отличие от Сапфира, Адаманта и вас, мой господин.

– Что?! – ошеломленно вскинулся Бер. – Выходит, зря они на меня напраслину возводят?!

– Мы заметили силу только Адаманта, – подтвердили Алые. – Хотя вы ощутили в первую очередь влияние Изумруда. Но в этом – одна из главных его особенностей. Жаль, что вы этого не знали, господин.

– Твою маму! Жаль, что я этого не знал!

Ас от излишне эмоционального вопля Бера скривился, но тут уж ничего не поделаешь: они действительно многое забыли и очень многого не понимали. А Беру сегодня крупно повезло, иначе сидеть бы ему взаперти в течение всего времени пребывания в Скарон-Оле. Но если за него теперь можно особо не беспокоиться, то тогда их задача выглядит немного проще. Все-таки Ван неплохо умеет себя контролировать, Гор без причин не призывает Тень, а сам Ас… за очень редким исключением… способен держать в узде свой Огонь. Осталось только с амулетом вопрос решить, и все – можно считать, что они готовы войти в Скарон-Ол.

– Позвольте мне, господин? – неожиданно предложил Раэрн, когда рука Аса сама собой потянулась к амулету. – Насколько я понял, ваши силы проснулись не так давно, поэтому энергия амулета еще нестабильна. К тому же он очень много времени провел вне клана… если позволите, я сделаю для него защиту. На время. А потом, если будет угодно, вы замените ее по собственному усмотрению.

Ас кивнул.

– Вы позволите к нему прикоснуться, мой господин? – зачем-то уточнил скарон, по-прежнему не двигаясь с места.

– Позволяю.

Только тогда Раэрн, подъехав ближе, осторожно протянул руку и еще осторожнее, самыми кончиками пальцев, прикоснулся к оправе предоставленного амулета. Правда, расположенный в центре камень тронуть не посмел. Но тот даже так негодующе засветился неприятными кроваво-алыми огнями и нагрелся до такой степени, что Ас с трудом удержал его в руке.

– Все, – немного нервно улыбнувшись, отодвинулся Раэрн. – Теперь, если вы не станете обращаться к его силе напрямую, узнать вас будет трудно. Амулет теперь выглядит для всех как обычный, средней руки артефакт.

– Что случится, если я его все-таки активирую?

– Активация произойдет лишь в том случае, если вы выпустите свою силу из-под контроля. В иных обстоятельствах он останется спокойным.

– Неплохо, – удовлетворенно кивнул Ас, возвращая амулет на место. – Что еще нам следует знать, помимо того, что ты уже сказал?

Раэрн пожал плечами.

– Ничего, господин. Остальное, я полагаю, можно будет обсудить на месте.

Тени многозначительно переглянулись, а потом Бер все-таки не утерпел и, приблизившись к Асу, тихонько спросил:

– Брат, а тебе это, случаем, ничего не напоминает? Ничто не шевелится в памяти?

Алый чуть сузил глаза, непроизвольно метнувшись взглядом в сторону ярко-алого пятна в центре Скарон-Ола. Какое-то время просто смотрел, словно действительно силясь что-то припомнить, но потом решительно тряхнул головой, отвернулся и сухо бросил за спину:

– Все. Едем. Мы и так задержались.

– Как скажешь, – без особого энтузиазма откликнулся Ван. Гор просто молча кивнул и толкнул пятками своего вороного.

– Ас! – не пожелал уняться Изумруд. – Ты не ответил на мой вопрос!

– Нет, Бер, – не оборачиваясь, отозвался Алый. – Это было в прошлой жизни, о которой я ничего не хочу знать. А теперь едем. У нас мало времени.

Глава 3

Когда деревня осталась позади, я с блаженным вздохом растянулась на ворохе тряпья, наваленного в повозке неопрятной кучей, и, заложив руки за голову, довольно улыбнулась: отлично. Сегодня мы отработали на «пять с плюсом». Молодцы. Нигде не ошиблись, не привлекли ненужного внимания. Слегка

заработали денежку. Неплохо размялись. Но, что самое главное, нашли наконец тех, кого так долго искали.

Теперь осталось лишь дождаться полудня, тихонько двигаясь до первой попавшейся развилки, и красиво доиграть начатый этим утром спектакль.

Честно говоря, я никак не предполагала, что попасть в Невирон будет так легко. Настолько легко, что совершенно непонятно, почему никто не додумался до этого раньше: всего-то дел, что через горы перемахнуть! Правда, нам здорово помог умница-Лин с его крепкой спиной и широкими крыльями, но я все равно поражаюсь: неужели господин да Миро за столько лет не смог найти подходящего способа? Неужели у него не хватило смекалки, чтобы осуществить этот несложный, в общем-то, перелет? Или он выяснил что-то такое, что заставило его отказаться от очевидного решения? Не знаю. Он на эту тему никогда не распространялся. Но, по крайней мере, нас во время переброски никто не остановил, не потребовал предъявить визу и даже не засек на радаре, пока Лин черной птицей кружил над этими землями. На нас просто не обратили внимания! И это при том, что сперва я целую неделю ночами летала в одиночку, старательно дополняя полученную в Рейдане карту. Потом мы летали вместе с братиками, тщательно проверяя, уточняя и дорисовывая то, что я упустила. И лишь когда все было готово, мы рискнули опуститься пониже и своими глазами взглянуть на то, как поживает местное население.

А население тут действительно имелось. И было его в Невироне (или, как его здесь называли, в Благословенной долине) весьма немало: деревни встречались буквально на каждом шагу, а рядом с ними – щедро распаханные поля, лесные делянки, заимки, отменные места для охоты, богатые рыбой реки… У меня вообще сложилось впечатление, что окружающие Невирон горы на самом деле являлись действующими (хотя и временно уснувшими) вулканами. Которые некоторое время назад выбросили наружу огромную массу пепла, радикально изменили верхний слой почвы и сделали ее настолько плодородной, что хоть ложкой ешь.

Зимы здесь были очень короткими – всего один месяц, за время которого люди даже не успевали толком увидеть снег. Температура крайне редко опускалась ниже плюс пяти (ну, насколько мне удалось соотнести местные реалии с показаниями несуществующих термометров). Дожди были частыми, но не настолько, чтобы затопить дома или погубить посевы. Сильные ветра тоже почти не случались – все они гасились высокими горами. Климат на удивление

ровный. Никаких землетрясений. Никаких катаклизмов. Никаких наводнений и полноводий… просто райский уголок.

Если, конечно, забыть о том, кем и для чего он создавался.

Облетев окрестности всего пару раз, я быстро поняла, что в целом карты господина да Миро не лгали – долина, как и Фарлион, была с трех сторон окружена непролазными горами, а с четвертой (там, где имелся сравнительно неширокий перешеек и он же – фактически единственный для бескрылых вход и выход в вотчину некромантов) ее полностью перекрывала кишащая Тварями Степь. По которой ни по земле не пройдешь, ни под землей не пролезешь. Да и по воздуху-то не больно доберешься, потому что летать днем на виду у всей долины небезопасно, а ночью… гм… ну, думаю, не стоит объяснять, что тут творится в темное время суток. Одного воспоминания о Хароне будет вполне достаточно.

Впрочем, не это главное.

Власть в Невироне, что совершенно естественно, была двойной, включающей в себя обычную, мирскую (то есть старост деревень и сел, наместников в городах) и духовную, к которой имели прямое отношение жрецы. Правда, они, что меня сильно удивило, далеко не все являлись магами. По большей части это были обычные люди, назначенные храмом для выполнения строго определенных функций. К примеру, проповедь прочитать, страждущих обнадежить, за святилищем присмотреть, о смысле жизни поговорить… для этого маги, как оказалось, совсем не нужны. Хватит и обычных священников. Их, кстати, так и называли: «святые люди». Тогда как истинных жрецов-некромантов в Невироне водилось поразительно мало: всего по одному-два на небольшие городки и крупные села, в лучшем случае по одному – на село средней руки и совсем никого в мелких, отдаленных от центра долины деревушках.

Впрочем, если поразмыслить, так оно и должно быть: процент владеющих тем или иным даром в любом месте Во-Аллара наверняка примерно одинаков. Что является верным и в отношении обычных магов, и в отношении ярых последователей Айда. Согласитесь: вряд ли они плодятся тут по прямому заказу жреца в усиленном режиме? Из чего следует сделать вывод, что (как бы ни парадоксально это прозвучало) некроманты в Невироне являлись довольно дефицитным товаром, поэтому и концентрировались преимущественно возле больших храмов. Точнее – в городах. А на периферии появлялись нечасто,

наездами и строго по делу. Как правило, когда в близлежащий храм приходила соответствующая заявка от какого-нибудь старосты. Так что встретить их на окраинах было настоящей редкостью… в смысле, для местных – внезапной удачей, а для нас – весьма неприятным сюрпризом, которого мы всеми силами старались избегать.

Еще должна сказать, что в Невироне почти в каждой деревне стояли как минимум святилища (для небольших, буквально в одну-две семьи окраинных поселений), а как максимум (в городках и крупных селах) – весьма приличные по размерам храмы, в которых верующим дозволялось тревожить владыку Айда своими просьбами. Правда, делалось это в строго определенное время. Скажем, раз в седмицу, на закате, по строго заведенному ритуалу, за исполнением которого бдительно следили священники. Однако (чего я, например, раньше не знала) народ туда не сгоняли силой и не грозили страшными карами, если кто-то вдруг не приходил. Напротив, каждый невиронец был волен выбирать время для молитвы и мог прийти в храм или святилище лишь тогда, когда действительно этого хотел.

Проще говоря, никого не заставляли верить в существование Айда. Не пихали копьями в спину, не убивали за косой взгляд, не рубили головы направо и налево и не закапывали живьем за недостаточно глубокий поклон. Никто не боялся ходить по улицам от того, что там время от времени появлялись жрецы. Наоборот, последователей Айда уважали. Им везде уступали дорогу. Их приказы выполнялись мгновенно и даже с охотой. А длиннополые черные одеяния, богато расшитые золотом, вызывали благоговейный трепет.

Другое дело, что вера тут была перевернута с ног на голову. И другое дело, что Айд выступал хранителем и оберегателем: милосердным, но и суровым Создателем, простершим свою божественную длань над этим благословенным краем. Тогда как Аллар представлялся нехорошим злыднем и коварным обманщиком, прячущим за ярким светом свою двуличную натуру. Правда, о нем старались лишний раз не вспоминать. И в погрязший в жуткой ереси Валлион, соответственно, не стремились. Ну, за редким исключением.

Да и зачем стремиться куда-то еще? Земля тут давала по три урожая в год, как в южных провинциях Хеора. Охота в здешних лесах была такой, что даже самый ленивый и тупой возвращался с добычей. Те, кто совсем идиот или инвалид с детства, могли промышлять рыбалкой, благо рыбу в здешних многочисленных речках можно смело черпать простым ведром в полной уверенности, что не

останешься без улова. Более того, налоги в Невироне были столь низкими, что просто курам на смех. Денег с крестьян (а таких тут большинство) никто не требовал – вместо этого взимался один единственный налог на землю, который при таких щедрых урожаях даже самые нерадивые отбивали всего за один сезон. А остатков хватало и на сытную жизнь, и на удовольствия, и на посещение ближайшего городка во время ежемесячных ярмарок, где каждый бедняк мог позволить себе потратиться на безделушки.

Нищих практически не водилось. Нигде, за исключением, быть может, городов.

Преступность считалась нелепым пережитком далекого прошлого. По той простой причине, что любого вора, мздоимца или (упаси боже) убийцу всегда и везде ждало лишь одно-единственное наказание: смерть. И поскольку оно оставалось неизменным уже два долгих века, приговоры выносились жрецами исправно, а об адвокатах здесь никто не слышал, то преступность как таковая просто не успевала зародиться.

Что меня порадовало еще, так это то, что никакой военной базы у Невирона не имелось. Хотя оно и понятно: с подобным ландшафтом и естественной защитой в виде мощного горного массива в дополнительных мерах безопасности жрецы не нуждались. Единственный выход охранялся расплодившимися в Степи Тварями так же верно, как это сделала бы армия отлично подготовленных бойцов. Причем понимание того, что долину оберегает мерзкая нежить, не вызывало у невиронцев ни удивления, ни отвращения, ни даже сомнений. О ней все знали, все ее видели и нередко даже встречались. Однако ее присутствие, по мнению большинства местных жителей, было совершенно естественным, если не сказать, что оправданным. И в этом крылась какая-то своя, особая правда, к которой мне, признаться, пришлось довольно долго привыкать: пресмыкание перед некромантами было у невиронцев в крови. Отщепенцев и выразителей чужеродных идей очень быстро отыскивали и уводили в неизвестном направлении, постепенно производя в популяции, так сказать, грамотный естественный отбор. А уж в то, что долине благоволит сам Айд, невиронцы верили столь свято, что не испытывали никакого дискомфорта от мысли, что те самые Твари, от которых безуспешно пытался избавиться Валлион, находятся от них в опасной близости. Мол, это же слуги нашего Бога. Его создания. Пока существует первожрец и власть жрецов, одобряемая свыше… то есть «сниже»… нам ничто не грозит. И никакая иная защита нам уже не нужна…

Правда, мы сумели выяснить, что у верховного все-таки есть своя личная гвардия – так называемая храмовая стража. Не очень многочисленная, но практически единственная, кому дозволялось открыто носить при себе оружие. Плюс его наличие допускалось у городской стражи и некоторых особо привилегированных слоев населения. Однако это и все. Никаких дополнительных вооруженных формирований, регулярной армии, стражников на дорогах, тайной полиции и т. д. и т. п. Совсем ни-чего. Просто потому, что в деревнях с отступниками и инакомыслящими справлялись своими силами (Лок, узнав о местных порядках, немедленно обозвал невиронцев стукачами), а о разбойниках уже очень давно не слышали. Впрочем, если и слышали, то краем уха, вскользь и лишь до того времени, пока в окрестности, где действовала банда (а один такой случай все-таки был на юге Невирона лет этак сто назад), не приходил какой-нибудь жрец и не лишал бандитов «благословения Айда», без которого они становились лакомой добычей для обитающих там Тварей. А поскольку нежити в здешних лесах водилось просто немерено, то… сами понимаете, почему Невирону так повезло с преступностью.

Один только в этой связи возникает вопрос: что это за таинственное «благословение», позволяющее местным жителям спокойно разгуливать среди нежити? И что за штука такая, по отсутствию которой в Невироне очень быстро распознается любой чужак?

Честно говоря, ответ меня поразил. Но не столько своей очевидностью и простотой, сколько простотой и изящностью задумки.

Как оказалось, каждый невиронец, появляясь на свет, получал от жрецов особую метку – тонкий кожаный шнурок, якобы окропленный «святой водой» из главной купели ближайшего храма или святилища. Ее наличие означало, что человек – свой, местный, поэтому нежити кушать его на завтрак-обед-ужин категорически запрещено. Пока он угоден Айду, пока действует это самое «благословение», ни одна, даже очень голодная Тварь не посмеет покуситься на его владельца. Но если какой-нибудь бедолага вдруг рисковал нарушить закон, то участь его была незавидной: как только угасала «метка», жить ему оставалось очень недолго. Фактически до первого шага за ограду родной деревни или до последнего лучика стремительно заходящего солнца.

Как уж все это работало, точно не могу сказать: в некромантии и прикладной магии не сильна. Однако «метку» Твари безусловно чувствовали и, насколько мы смогли выяснить, еще не было случая, чтобы они сожрали кого-то по ошибке.

Другое дело, что рисковать лишний раз невиронцы не стремились и, заходя в лес, первого встречного кахгара за хвост не дергали: все-таки нежить есть нежить и заигрывать с ней небезопасно. Тем не менее, защита от Тварей (о чем, кстати, лорд да Миро до сих пор не знал) у них действительно была, и именно она сделала возможным существование многочисленных деревень, спокойных дорог, отсутствие бандитов и всякой швали, обожающей прятаться по непролазным чащобам. А также сомнительной группы населения, которую издревле привлекал бродячий образ жизни.

Такой, какую в качестве прикрытия мы выбрали для себя.

Надо сказать, профессия циркачей не считалась в Невироне чем-то из ряда вон выходящим. Их существование было естественным. Их приезд всегда сулил развлечение. Их ждали с нетерпением. Привечали как могли. И, будучи состоятельными по определению, крестьяне щедро одаривали их не только деньгами, но и натурпродуктом. А в случае, если гости придутся особенно по душе и порадуют деревенских на славу, им разрешалось остаться в деревне на несколько дней с предложением повторить выступление на «бис» за бесплатную кормежку и ночевку под крышей. Что для вечных странников в краю, не слишком привязанном к звонкой монете, было весьма заманчивой перспективой.

Иными словами, Невирон меня сильно удивил. И удивил приятно. В Валлионе только и слышала о том, как тут плохо и ужасно, как несчастные жертвы произвола некромантов тяготятся под кровавым ярмом, как тут на каждом шагу бродят неупокоенные Твари, прямо среди бела дня выкрадывая из домов и жадно пожирая за плетнем новорожденных младенцев… а оказалось, что все далеко на так плохо. И совсем не так страшно, как мне расписывали. По крайней мере, в данном конкретном вопросе.

Одно только было верным (и крайне неприятным) из полученных мною ранее сведений: жертвоприношения, которые в долине действительно происходили регулярно. Хотя даже это отнюдь не означало, что каждый день на алтарях некромантов лились реки крови. Нет, как правило, все было относительно благопристойно: в храмах и святилищах стояли специальные жертвенники, на которые достаточно было пролить всего несколько капель своей крови и, как говорится, загадать желание. Причем насколько я поняла, исполнялись эти «желания» в подавляющем большинстве случаев и с завидной регулярностью. То ли тут жрецы прилагали свою руку, то ли просто совпадение, то ли Айд действительно благоволил этому краю. Не знаю. Но факт есть факт: люди

реально видели, за что отдают свою кровь, и охотно меняли ее на такие важные для себя вещи, как крепкое здоровье, хорошую жену/мужа, сильных детей, богатые урожаи, удачу… в общем, все, что могли бы попросить у своего покровителя обычные верующие. За тем отличием, что здесь народ своими глазами видел результаты и, соответственно, приходил к алтарям совершенно добровольно. За одним-единственным исключением, о котором я уже слышала вскользь от господина да Миро. А именно о Важном Дне (да, так его тут назвали), к которому от каждой деревни и каждого населенного пункта требовалась самая настоящая человеческая жертва. Любая. Желательно добровольная. Или же признанная «добровольной» большинством голосов. Причем количество жертв определялось количеством проживающих в каждом конкретном населенном пункте, но в среднем получалось, что где-то один на сотню человек. Кто именно это будет – решал староста. На общем сходе, где взвешивалось абсолютно все: от возраста и пола до полезности «кандидата в смертники» для деревни. Молодежь и дети обычно в обсуждении не участвовали – выбор, как правило, падал на стариков. Вернее, они сами вызывались, дабы уберечь родню от лишнего горя. Однако число стариков не бесконечно, поэтому упомянутая лордом да Миро практика с откупными детьми, зачатыми специально к Важному Дню, была широко распространена.

Я, честно вам скажу, откровенно напряглась, когда эти сведения полностью подтвердились. Однако невиронцы, как и в случае с Тварями, относились к подобным вещам совершенно спокойно, не видели в них ничего плохого и совсем не считали, что рожденные насильно младенцы, пошедшие в уплату долга перед владыкой ночи, являются чем-то нехорошим или срамным.

Думаю, в некотором роде да Миро был прав: накануне Важного Дня люди в Невироне действительно становились завзятыми торгашами. И примерно раз в год оценивали друг друга, как коров на базаре: мол, вот этот пригодится, эта еще хороша собой, у этой всегда хороший приплод, а вон тот какой-то плешивенький… давайте его и отдадим?

Подспудный страх оказаться на алтаре делал их злопамятными, мстительными, жадными. И, конечно же, трусливыми, как подзаборные псы, которые вдруг завидели идущих к ним живодеров. Впрочем, нет – звери, даже затравленные, хотя бы рычат и огрызаются, используя любой шанс вырваться из смертельной ловушки, а этих превратили в бессловесное стадо овец, способных лишь молча следить за тем, как кого-то отлавливают для принесения в жертву. Которые к тому же при первом признаке угрозы сами выталкивают вперед слабого и

беспомощного малыша, с затаенной надеждой следя за тем, как ему на шею накидывают ременную петлю, а потом облегченно расходятся в стороны и совершенно спокойно продолжают заниматься своими делами, стараясь побыстрее забыть о том, что уведенный мясником ягненок когда-либо существовал.

Я не знаю – может, это такой защитный механизм у них выработался. Или же психика пыталась как-то отстраниться от происходящего, потому что оно было противоестественным, ненормальным, жутким. Любой вид животных, даже травоядные, из последних сил защищает своих детенышей, а здесь… самое дорогое… отдавали, как залежалый товар, который можно выгодно спихнуть накануне последнего дня просрочки. Просто абсурд какой-то. Нонсенс, который никак не укладывался в голове!

Но невиронцы делали это. С радостью и облегчением, регулярно передавая жрецам крохотные, завернутые в пеленки кулечки – в дар своему ненасытному богу. Да еще видели в происходящем некую высшую справедливость, потому что, дескать, один расплачивался за грехи многих. А когда Сборщики уходили, поскорее забывали о случившемся, после чего жизнь их постепенно возвращалась в привычное русло, как будто бы ничего не произошло. Уже на следующее утро люди опять становились приветливыми и вежливыми. Они развлекались, жили, радовались и смеялись. Отмечали праздники, женились, заводили детей. Без всякого стеснения заходили в храмы, охотно общались со «святыми отцами»… действительно, словно напрочь позабыв о том мимолетном, подленьком страхе, который наверняка охватывал их души в преддверии того самого дня.

Однако именно поэтому, получив подтверждение всем своим догадкам, мы не ушли из Невирона как планировали, а решили немного задержаться. И уже с месяц колесили по окраинам в надежде выяснить причину такого извращенного понятия веры и того, почему все же в Невироне вообще никто не пытается что-либо изменить.

В долине мы появились всемером: Лин, который принял облик невзрачного серого конька с коротко остриженной гривой; Лок, которого ждала роль «большой и послушной собаки»; Мейр, который в силу ряда физиологических особенностей не мог поддерживать звериный облик постоянно, поэтому не сошел за «большого пушистого кота»; Родан (конечно, куда же без него?) – ему досталась трудная роль моего «дедушки», которую он, к слову сказать, пока

исполнял на «ура» (правда, Рэ пришлось оставить в родовом имении под присмотром брата, поскольку фэйру, как вы понимаете, тут совершенно нечего делать); Эррей, с охотой взявший на себя тяжкое бремя «друга семьи»; и наконец Дей, на которого мы повесили уйму охранительных амулетов, чтобы скрыть приметную ауру, и строго велели молчать, поскольку именно ему труднее всех давался своеобразный акцент, имеющийся у всех жителей Невирона. Была, правда, для этого молчания еще одна важная причина, но – обо всем по порядку.

Итак, мы появились в Невироне всемером: Лин, Лок, Мейр, Дей, Родан, Эррей и я собственной персоной – скромная «внученька», певунья и по совместительству дрессировщица, на которую местные мужчины почти не смотрели как на объект для воздыханий. В первую очередь, благодаря тому, что я под дружный вздох братиков почти под корень обрубила свою роскошную косу, выкрасила волосы в более спокойный цвет и больше не щеголяла необычными золотистыми локонами, как раньше. Так, светленькая и светленькая. Невзрачная, тихая, серая мышка, на которую совсем-совсем незачем обращать внимание.

Подходящая легенда у нас, разумеется, тоже имелась – весь последний месяц старательно ее сочиняли и разрабатывали. Имена пришлось слегка подправить с учетом местных особенностей – оказалось, что буквы «й» и «э» здесь не были распространены, как в Валлионе, поэтому мы их малость откорректировали. После чего Мейр стал «Мером», Родан – «дедушкой Родом», Эррей – «Эром», Локу менять имя было без надобности, Дею все равно – он у нас теперь «молчун», Лину – тем более, ну а я стала «Гайкой»… фактически единственная, кто слегка отличался от принятых в Невироне стандартов, но зато и не самая видная в нашей разномастной команде.

«Метками» мы тоже обзавелись: чего проще – полетать пару ночей над деревнями и попугать местных жителей видом особенно упрямой и злобной «Твари» (прости, Лин, ты был чересчур убедителен), которой от рождения достался совершенно отвратительный нюх и абсолютная куриная слепота? То есть она напрочь не замечала кожаных шнурков на чужих руках, упрямо рычала и скалилась, пугая несчастных прохожих до глубокого обморока, и неохотно пятилась обратно в лес лишь тогда, когда эти самые шнурки оказывались у нее в пасти. Людям, конечно, после этого еще долго не захочется гулять по лесам в темное время суток: сильный испуг и стойкая головная боль, появившаяся после общения с освоившим технику ментального сканирования демоном, этому точно не способствовала. Но зато мы в короткие сроки (а главное, совершенно

бескровно!) получили жизненно необходимую информацию и, что немаловажно, обзавелись шестью замечательными «меточками», которые тут же напялили, осторожно срастив разорванные кончики шнурков и так же осторожно проверив, как это работает в реальности.

Оно, надо признать, работало. И неплохо. Так что один важный вопрос мы успешно решили.

Теперь – насчет идеи бродячих артистов… гм… ну да, бредовая идея, согласна. И – «да» еще раз, вы совершенно правы: идея снова была моей. Однако в данном конкретном случае она подходила нам как нельзя лучше. Потому что тратить время на длительное внедрение мы никак не могли. Хотя бы по той причине, что летать туда-сюда через горы Лину было не с руки. Нас могли засечь, могли отследить, могли почуять летающие Твари. Способности жреца еще не были ясны до конца. Поэтому переправлялись мы в Невирон все сразу и строго за один раз. Во избежание, так сказать, повода для провала. Конечно, дальше, в принципе, можно было бы и разделиться, разбившись на пары (или даже сунувшись в несколько отдаленных деревень поодиночке). Ведь до переписи населения тут, слава богу, не додумались, паспортов и службы миграционного контроля не изобрели, детективов на ночь, думаю, некроманты тоже не читают, так что могло и прокатить.

Да, могло бы… если бы не несколько важных моментов.

Во-первых: «трепетное» отношение в Невироне к чужакам (особенно к одиночкам), из-за которого мы могли влипнуть в серьезные неприятности.

Во-вторых, никто из нас не являлся профессиональным шпионом и не мог с уверенностью заявить, что не проколется в самый ответственный момент на какой-нибудь мелочи. Конечно, мы готовились и отрабатывали разные варианты, но я не настолько самонадеянна, чтобы считать некромантов полными идиотами, не способными заметить некоторые несоответствия в нашем поведении. Особенно при длительном и близком общении, которое неминуемо бы случилось, попади кто-нибудь из нас (к примеру, я) в более или менее крупный населенный пункт. К тому же Ишта рядом с голодной нежитью – это не есть хорошо, так что меня в любом случае не оставили бы одну. Ас перед уходом нам об этом прямо сказал и велел Фантомам глаз с меня не спускать, чем, собственно, и поставил жирный крест на самой идее разделения.

А потом – куда девать подозрительно молчащего Дея, не способного толком объясниться с местными? И как ему прикажете выполнять свою роль, не имея возможности спрашивать? На пальцах?!

А как же Лок с его перепадами настроения? А мирраэ с его насущной потребностью перекидываться хотя бы раз в сутки?!

Наконец, у нас было слишком мало времени. Ведь ни о каком полноценном внедрении или запутанной многолетней интриге речь совершенно не шла. Только быстрая разведка территории и еще более быстрый сбор информации. В конце концов, мы не переворот готовим. И не свергаем с престола короля. Да и жрец, смею надеяться, такой ошеломительной наглости от нас не ждет. Самое главное в нашей ситуации – наличие опознавательных «меток», а уж об этом мы, разумеется, позаботились в первую очередь. После чего, выяснив с помощью Лина все необходимые подробности (каюсь, это я подсказала идею о том, что чужую память он может читать с такой же легкостью, как мою собственную, а он, как всегда, наивно поверил и честно научился это делать), все-таки решили рискнуть. Оставалось только надежно усыпить мои Знаки, тщательно подготовить реквизит и уточнить некоторые детали.

В общем, вот так оно и получилось.

Повозку мы, конечно, собрали заранее, еще в Фарлионе, потому что от нее слишком многое зависело. И еще потому, что там имелось двойное дно, куда улеглись наши драгоценные доспехи и еще более драгоценное оружие, без которого соваться в Невирон было чересчур рискованно. Правда, пол в повозке пришлось заделывать намертво, без всяких люков и щелей, а сверху прокладывать кучами тряпья, чтобы не звенело на кочках. Так что воспользоваться им можно было лишь один-единственный раз, в самом крайнем случае, предварительно раскурочив телегу по досочкам. Но мы с тем расчетом ее и делали, чтобы никто ничего лишнего не заметил. И намеренно ограничили себя в оружии лишь набором кинжалов, которые проводили как необходимый для работы инвентарь. Все остальное должно было до поры до времени храниться в полной неприкосновенности. А в идеале – вообще не потребоваться, потому что развязывать с Невироном войну такими малыми силами я совершенно не собиралась. Нам была нужна только информация. Разведка. И ничего больше.

По крайней мере, пока.

Как мне кажется, на настоящий момент мы узнали действительно немало. Но, что самое главное, сумели успешно внедриться в новую среду и теперь безнаказанно колесили по местным дорогам, потихоньку дополняя карту долины, узнавая местный быт, разнюхивая, высматривая и аккуратно расспрашивая подвыпивших на радостях мастеровых.

Одно плохо – путь в города нам был заказан: таких бродяг, как мы, в приличные места по сложившейся традиции не допускали. Впрочем, городов тут и насчитывалось-то всего с десяток. Самый крупный (можно сказать, местная столица) – Нерон, располагался почти в самом центре долины. Еще несколько, поменьше, окружали его с четырех сторон: строго на юге, севере, востоке и западе, охватывая, будто нарочно, в гигантское кольцо – Нерал, Герал, Дерал и Лерал соответственно. Имелись также совсем уж крохотные городки с одним-единственным храмом на центральной площади, куда по праздникам стекался весь окрестный народ. А между ними щедрой россыпью были разбросаны несколько десятков тысяч деревень, в которых как раз и проживала основная масса населения.

Сложность состояла в том, что обычные труппы могли войти в город только по особому разрешению и после какой-то серьезной проверки на воротах, которую мне, например, совсем не хотелось бы проходить. Да и оборотни мои не железные. Лок вообще мог сорваться в любой миг; Мейру было еще сложнее. Как я с ними туда сунусь, не зная точно, что именно нас ждет?

Правда, имелся и другой способ – просочиться внутрь в составе какой-нибудь труппы, которую там хорошо знали и которая не вызвала бы у городской стражи никаких подозрений. Скажем, какая-нибудь довольно известная, давненько колесящая по окрестностям и уже примелькавшаяся страже на воротах компания бродячих артистов… или вы думаете, я просто так присматривалась к «Дядюшке Дулу»?

Зачем нам вдруг так срочно понадобилось в город, тоже могу объяснить: еще в Рейдане господин да Миро обратил мое внимание на наличие какой-то загадочной Пирамиды, в которой, по слухам, ежегодно происходило основное для Невирона событие – Важный День, тесно связанный с человеческими жертвоприношениями. Более того, пока мы с Лином тайком изучали долину, мы эту треклятую Пирамиду действительно нашли. Но не одну, вопреки сведениями лорда Усатого Лиса, а целых пять. Пять, понимаете?! Одна – в столице и еще четыре – в крупных городах. Тех самых, крайних, обращенных строго по

сторонам света, в которых даже название выдавало некое сходство, общность целей и какую-то неприятную подоплеку. А поскольку мы понятия не имели, что это такое и с чем именно столкнулись, и я даже в воздухе ощутила исходящие от Пирамид эманации смерти, то подходить вплотную или приземляться на нее верхом на демоне посчитала безрассудным решением. Необдуманным. И именно поэтому собиралась подобраться к непонятной фиговине по-другому. Тихонько. Так, чтобы самой не пострадать и на крючок не попасться. Честно говоря, без моих Теней это и так было довольно рискованно. Вернее, настолько рискованно, что они, если бы только узнали, тут же открутили бы мне голову. Причем наверняка самым болезненным способом.

Вспомнив о братьях, я против воли улыбнулась.

Эх, ребята… как вы там без меня? Небось, уже добрались до своего родного Скарон-Ола? Наверное, вовсю придумываете, как бы поделикатнее стырить жизненно необходимые вам амулеты? И гадаете, как бы получше использовать ту приметную троицу Алых, которые после Рейданы были готовы на Аса буквально молиться?

Я знаю, вы у меня умнички. Сами во всем разберетесь, добудете эти проклятые побрякушки. Разведаете все, что касается непосредственно Степи, до которой мы просто не успеваем добраться до окончания оговоренного срока, а потом дождетесь нас, как обещали. Поворчите, конечно, что мы так долго. Отругаете, что задержались. А потом мы все вместе соберемся, обсудим полученную информацию и вот тогда примем окончательное решение, как следует поступить с Невироном. Ведь банально закидать его сверху Голубым Огнем, как предполагалось когда-то, мы уже не сможем: здесь слишком много людей, здесь весьма бурно кипит жизнь, эта долина все еще жива. Она все еще чувствует, растет, цветет… несмотря ни на что. А значит, убить ее я уже не смогу. Залить от края до края смертоносным Огнем не смогу тоже. Даже ради темного жреца. Просто потому, что я – не он. И потому, что мне претит мысль о безжалостном убийстве нескольких миллионов ни в чем не повинных людей. Но это значит, что надо искать другой способ с ним разобраться. Вернее, надо искать способ выманить его из этой норы. Так, чтобы люди не пострадали. Тем более когда их оказалось так удивительно много.

Да, пусть вера их извращена и превратно истолкована. Пускай в головах у них царит полный хаос. Пусть многолетняя изоляция сделала их во многом ущербными… но я до сих пор надеюсь, что это можно исправить. Пусть не

сейчас, пусть не сразу, а только через пару поколений нормальной жизни, но это наверняка можно сделать. Еще не все потеряно. Еще есть шансы. Есть надежда. Есть выход. Даже для них. И я как Ишта просто не могу упустить возможности возродить этот необычный край. Только уже без Тварей. Без крови, льющейся на алтари по любому поводу. Без зачатых в жадности детей, чьими жизнями оплачивается чужая свобода. Без боли. Без страха. Без непонимания. Так, как должно быть. И так, как должны жить нормальные люди.

Для этого я пришла в Невирон. Для этого сюда пришли мои друзья и названые братья. Для этого мы прячемся под масками бродячих циркачей. И для этого же так стремимся узнать слабые места нашего общего врага. Причем как мне кажется, Пирамиды – один из ключиков для решения этой задачи. И, как мне снова кажется, сегодня у нас появился неплохой шанс к ним подобраться.

Надо только немного подождать.

Надо только добраться до первой попавшейся развилки.

Надо снова попасться на глаза тому забавному дядьке из деревни, которого при нашем появлении аж перекосило, но который потом очень сильно о чем-то задумался, а еще через пол-оборота как-то резко погрустнел и разом передумал отбивать об нас свои кулаки.

«Дядька», кстати, мне неожиданно понравился. И показался достаточно умным человеком, с которым можно попробовать договориться. К тому же его здесь хорошо знали. К нему обращались по имени. И он, вполне возможно, имел пропуск хотя бы в один из нужных нам городов.

А раз так, то нам следовало встретиться как можно скорее. На этой вот самой дороге, которая, как я уже сказала, тут одна-единственная. Следовательно, он тоже поедет по ней. Причем поедет очень скоро – что ему делать в деревне после того, как мы сорвали там такой богатый куш? И верно – нечего. А значит, он оттуда уедет. Сегодня же. И значит, примерно к полудню нас нагонит: я специально попросила Лина идти неспешным шагом. И заодно велела повнимательнее присмотреться к дороге, чтобы отыскать подходящее место для еще одного небольшого представления. Которое должно стать тем более убедительным, раз наш будущий собеседник – не самый плохой в этом мире актер и способен быстро раскусить любую халтуру.

То есть наша сегодняшняя игра должна быть очень качественной. Вернее, она должна быть настоящей. Непридуманной. Для того чтобы упомянутый дядька ей искренне поверил, и для того, чтобы у него не возникло в отношении нас ни тени сомнений.

«Развилка, – бодро сообщил Лин, едва я дошла до этой важной мысли. – Через пару минок будет еще одна дорога. Подойдет?»

Мы с загримированным до полной неузнаваемости Роданом понимающе переглянулись, почти одновременно выглянули наружу, огляделись, перехватили вопросительные взгляды от обоих хвардов, а потом так же дружно кивнули.

– Да. Это – именно то, что надо.

Я свистнула Локу.

– Дуй-ка на пригорок, серый. Когда они покажутся, подашь знак.

Хвард понятливо кивнул и тут же умчался назад – следить за пустой дорогой. Мейр и Дей проворно соскочили с облучка, отправившись искать подходящее место для саботажа. А Эррей, сидящий вместе со мной на краю повозки, хитро прищурился.

– Какой вариант работаем?

– Сломанное колесо, – хмыкнула я, аккуратно приглаживая свои короткие волосы. – Думаю, это будет веская причина, по которой они могли нагнать нас так быстро.

– Тогда ищем нужную ямку, – кивнул Эррей и тоже спрыгнул на землю. Но потом не удержался и насмешливо посмотрел на обряженного в лохмотья, заросшего, как медведь, перекрашенного до состояния естественной седины и размалеванного до отвращения Родана. – А вы, дедушка, пожалуй, еще полежите. В вашем возрасте вредно ходить по земле своими ножками. Вдруг подломятся?

– Убью, – внятно пообещал Родан мерзким скрипучим голосом.

– Да что вы, дедуля? У вас и сил-то не хватит!

«Дедуля» тихо зарычал, потому что в последнее время выбранная маска начала его откровенно тяготить, и в отместку запустил в нахала каким-то тюком. Увесистым, конечно. Совсем не по «старческой» руке. Но так удачно, что Рорн чуть не рухнул, получив этим снарядом аккурат в грудь. После чего возмущенно вскинулся и запустил им обратно, едва не задев по пути меня. Однако Родан был начеку и ловко увернулся, ничуть не смутившись теснотой повозки. В результате тюк бодро вылетел с противоположной стороны, чувствительно двинув Лина по крупу. Заставил его взлягнуть от неожиданности и резко ускорить ход… точнее, подпрыгнуть и рвануть вперед с почти демонической прытью… и вот этого наша старенькая повозка выдержать, конечно, уже не смогла. На неровной дороге переднее колесо попало в какую-то выбоину, телегу высоко подбросило; меня, совершенно не готовую к такому повороту событий, некрасиво уронили на спину. Родан, не удержав равновесия, опасно пошатнулся и с проклятиями рухнул сверху. Почти сразу откуда-то снизу раздался страшный скрип. Эррей снаружи испуганно ойкнул. Повозку опасно перекосило. Ушедшие вперед Мейр и Дей изумленно обернулись. А Лин, выворотив с мясом дышло, ошарашенно повернулся.

«Эй! А что это было?!»

– Ну вот, – растерянно сказал Родан совершенно обычным голосом, кажется, первым осознав случившуюся неприятность. – Теперь нам не придется ничего разыгрывать: кажется, передняя ось полетела.

– Твою… – тихо выдохнула я откуда-то снизу. – Слезь с меня, болван! Раздавишь!

Хас вздрогнул, запоздало сообразив, что навалился на какую-никакую, но все-таки даму, поспешно отпрянул, оставив меня барахтаться и с руганью выбираться самой. А потом, как ошпаренный, выскочил наружу и прямо с ходу засветил Эррею такой сочный, совсем не стариковский пинок, что тот едва не взвыл.

– Ай! Дедуль, за что?!

– За дело! – рявкнул «дедушка», оскалившись не хуже Лока. – Придурок! Из-за тебя у нас телега сломалась! Понял?!

– Да она… и должна была… вроде…

– Понарошку, идиот! А ты что сделал?!

– Ничего! – возмущенно потер ушибленное место Эррей.

– Я тебе щас покажу «ничего»! Я тебе щас!..

– Уау-у! – внезапно провыл из-за поворота Лок, заставив Фантомов замереть в угрожающих позах. – Уау-у! У-у!

Что значило: полундра! Корабль на горизонте!

– Живо по местам! – шепотом рявкнула я на обозлившихся братьев. – Дед, а ну давай в повозку! У тебя ноги плохо ходят! Эр, отстань от него! Потом отношения выяснять будете! Мер, Дей – к дышлу! Лин, изобрази тупую скотину! Тупую, я сказала, а не задумчивую! Так, молодец… суета вокруг колеса! Иначе всех прибью!

Фантомы на мгновение замерли, как застигнутые врасплох воры, но я рыкнула погромче, и этого оказалось вполне достаточно, чтобы старенький «дедушка» одним гигантским прыжком вернулся к накренившейся повозке, ласточкой заскочив внутрь и пластом рухнув на криво лежащие тюки; шейри послушно заржал, замерев в неудобной позе; остальные слетелись к нему, словно вспугнутые воробьи, и тут же сгрудились вокруг покореженной оси. Причем когда стало ясно, что поломалась она серьезно и грозит нам длительным простоем, в воздухе разлилось совершенно искреннее и очень правдоподобное шипение, которому позавидовала бы любая гадюка. А когда из-за пригорка выскочил громадный волк, а вдалеке наметились первые клубы дорожной пыли, красноречиво сообщая о приближении гостей, под днищем послышалась такая же искренняя ругань. Приглушенная, но до того сочная, что я расслабилась и успокоено откинулась на спину.

Все.

Теперь они точно правдоподобны, как никогда. Надо бы и мне подготовиться. Еще секунд тридцать – и снова пора на сцену. Антракт закончился. Новый акт. Камеры… свет… мотор…

Я глубоко вдохнула и, дождавшись, пока со стороны пригорка послышится нарастающий грохот колес, решительно полезла наружу.

Глава 4

Ворота они миновали без проблем: неподкупные стражи, едва завидев Алых, лишь отдали честь и молча отступили, позволяя старшему клану провести внутрь непонятных чужаков. Ни вопросов, ни сомнений, ни колебаний, ни платы за проезд. Просто абсолютное доверие, исключающее саму возможность неповиновения или предательства.

– Обычно приезжим объясняют наши правила, – заметив недоумение «владыки», пояснил Раэрн. Остальные двое скаронов хранили мудрое молчание. – Без приглашения за пределы Внешнего города не выходить, при встрече с кланами язык держать за зубами, на рожон не лезть, первыми не заговаривать и ни при каких обстоятельствах ничего для себя не требовать. Однако поскольку вы идете с нами, то вас пропустили без обычного предупреждения. Считается, что за стражей это сделаем мы.

– Да? – заинтересованно повертел головой Бер. – Ну тогда поясняй, если взялся.

– Я только что это сделал.

– Гм. Неужели это все, что ты можешь рассказать о своем городе?

– Я просто обозначил основные моменты, – усмехнулся Алый. – Поскольку вы пользуетесь масками, то отношение к вам будет, как к чужакам.

– То есть поганое, – заключил Ван, кинув быстрый взгляд на оставшуюся по правую руку крепостную стену. – Кстати, куда вы нас ведете?

– Во Внешний город. Чужаки обитают именно там. Чуть выше селятся младшие кланы. В самом центре, как вы могли заметить по дейри, старшие. Но туда вам пока не стоит заходить. По крайней мере, без сопровождения.

– А если зайдем? – заинтересованно привстал в стременах Изумруд.

Раэрн повел закованным в адарон плечом.

– Будут большие проблемы.

– У кого? У нас?

– Нет, – усмехнулся Алый. – У тех, кто попытается вас остановить. У них, естественно, ничего не получится, однако при этом вы лишитесь маскировки. Поэтому сами решайте, стоит ли рисковать.

– Почему ты называешь эту часть города Внешней? – вмешался Ас, когда Бер ненадолго задумался.

– Потому что она ближе всего к наружной стене, господин, – тут же ответил Раэрн, ничем не выдав удивления, что «владыка» не знает таких простых вещей. – Мы сюда редко заходим – как правило, только к кузням, которые стоят в юго-восточной части. Школы у нас свои – чужаки туда не допускаются. И расположены они в пределах Старого и Нового города. Там, где кланы. А больше нам тут нечего делать. Это – территория пришлых. И мы сейчас находимся на ней только потому, что здесь вас никто не узнает.

– Расскажи о кланах, – взяв новые сведения на заметку, велел Ас. – Нас долго не было, так что рассказывай так, как если бы мы в самом деле оказались чужаками.

Раэрн тут же наклонил голову и придержал коня, поравнявшись с Тенями.

– Как прикажете, господин. Что именно вы желаете знать?

– Все: как живете, чем дышите, каких законов придерживаетесь, кто сейчас у власти…

– Господина интересует только Алый клан?

– Нет, – мгновение помедлив, решил Ас. – Понимаю, что насчет других ты знаешь немного, но нам все равно будет полезно. Можешь начать со старших.

– Хорошо, – кивнул Алый и, на какое-то время задумавшись, принялся коротко обрисовывать ситуацию.

Как и утверждал Лин, в Скарон-Оле в последние несколько сотен лет вся полнота власти принадлежала главам четырех старших кланов и была такой же незыблемой и нерушимой, как крепостные стены города. В их подчинении находились все до единого жители города, их приказы никогда не оспаривались и не обсуждались, их поступки совершались, исходя из вероятного блага всего народа, поэтому даже в отсутствие повелителей в городе сохранялись строжайший порядок и железная дисциплина.

Кланы действительно подразделялись на младшие и старшие, но внутри каждого из них существовало дополнительное разделение на внутренние роды. Причем если в младших кланах скароны где рождались, там и умирали, то со старшими дело обстояло несколько иначе.

– В нашем клане сейчас семнадцать родов, мой господин, – с нескрываемой гордостью сообщил Раэрн. – И в каждом молодые воины достигают высших ступеней посвящения. Таким образом, что первый род никогда не оскудевает хорошими бойцами и способен противостоять на равных любому противнику. Правда, в последние десять лет условия для перехода ужесточились, но это пошло только на пользу клану.

– Что еще за переходы из рода в род? – встрепенулся любопытный Бер.

– Старая традиция, – пожал плечами Алый. – В старших кланах принято, что любой воин, кем бы он ни родился, способен перейти в более высокий род. При условии, конечно, что докажет состоятельность этого поступка и продемонстрирует главе мастерство соответствующего уровня. Это одинаково верно в отношении и Изумруда, и Сапфира, и Адаманта.

– Хочешь сказать, что вы делите роды не по кровным узам?

– Нет. Зачем? Все воины клана являются друг для друга кровными братьями. Отличия лишь в уровне мастерства и подготовке. Существует двадцать одна ступень посвящения, соответственно которым и определяется положение каждого из них.

Бер удивленно покрутил головой.

– Надо же… а какой тогда смысл делиться на роды?

– «Род» – это условное название, – тонко улыбнулся Раэрн. – Наверное, вам станет понятнее, если назвать это разделением не на роды, а на ранги.

– В смысле если я, скажем, когда-то имел довольно низкий ранг, то впоследствии, поднапрягшись и освоив некие навыки, имею все шансы перейти на более высокий уровень?

– Совершенно верно. Три низших ступени посвящения отведены у нас для семнадцатого рода; еще по две приходятся на шестнадцатый и пятнадцатый. Остальные отличаются друг от друга всего на одну ступень, но каждый стремится когда-нибудь достигнуть самого верха. К примеру, я и мои спутники находимся на пятой ступени мастерства из семнадцати возможных, и это достаточно высоко. Но вот моя младшая сестра два года назад сумела заполучить первую. Поэтому, хоть мы и происходим от одних родителей, в данный момент она входит в первый род, а я – нет.

Бер озадаченно крякнул.

– То есть твоя сестра достигла больших успехов, чем ты, в воинском деле и только поэтому перешла в другой род?

– Именно, – кивнул Раэрн. – Несмотря на то что мы рождены одними родителями, сейчас она фактически приходится приемной дочерью главе клана и при необходимости может отдавать приказы от его имени.

– И никто не возражает?

– Для семьи это очень почетно. Кровные узы не утрачиваются при переходе из рода в род. Так что, несмотря на повышение, Аша была и остается моей сестрой.

– Хорошо. А кто тогда командует в этих ваших так называемых «родах»? Нет, в первом я догадался – глава клана, а в остальных?

Алый с легким удивлением покосился на несведущего Изумруда.

– Разумеется, сильнейший. До тех пор пока не перейдет на ступень выше и не передаст свой пост преемнику.

– Это же неудобно, – изумленно моргнул Ван. – Кто же передает власть так часто? Насколько я понимаю, всякий глава рода стремится как можно быстрее подняться наверх?

– Конечно, – спокойно кивнул Алый.

– А как же дела рода?! Новичок что, каждый раз должен вникать в них заново?!

– Зачем? – нахмурился вдруг Раэрн. – Для этого есть магия клана и сила Огня, позволяющая передавать знания и умения. Со сменой главы род ничего не теряет. И преемственность сохраняется полностью.

– Но для этого нужно поделиться не только знаниями, но и памятью, – вставил свое веское слово Гор. – Неужели ваши главы идут на такое всякий раз, когда у рода меняется повелитель?

Алые дружно повернули головы к Адаманту и непонимающе моргнули.

– Это происходит во всех старших кланах, – наконец замедленно ответил Раэрн, отчего Ас мысленно ругнулся. – Чужакам трудно понять, однако именно так обстоят дела. Править должны только сильнейшие.

– Сильнейшие не всегда означает, что лучшие, – негромко фыркнул Бер, вызвав еще один недоумевающий взгляд от Алого. – Небось, и владык вы себе так выбираете? А если они вдруг окажутся недостойными?

Раэрн нахмурился еще сильнее.

– Недостойные не доживают до испытаний. Их уничтожает клан. Наша магия. Или же глава, если услышит неподобающие мысли и увидит позорящие клан поступки.

– Магия не всеведуща. Люди не всеведущи тем более. А если ваш глава ошибется?

– Глава клана не может ошибиться.

– Что, совсем? – насмешливо поинтересовался Бер, однако Алые мгновенно посерьезнели, и говорливый Изумруд предпочел прикусить язык, а поймав от Аса многозначительный взгляд, еще и отвернулся, сообразив, что в чужой город со своими законами не ходят. И раз уж они тут настолько верят в непогрешимость своих повелителей, переубеждать этих твердолобых в обратном абсолютно бессмысленно. Скароны – это ж такой народ…

«Вот именно», – молча согласился с братом Ван и поспешил сменить тему.

– А что насчет Сапфиров? Там такие же порядки?

– Почти, – помедлив, все-таки отозвался Раэрн. – За исключением того, что родов у них девятнадцать. У Адамантов всего пять – они всегда были в меньшинстве, а Изумруды, если вам интересно…

– Что? – тут же навострил уши Бер.

Раэрн настороженно на него покосился.

– У Изумрудов сейчас двадцать два рода. На данный момент они самые многочисленные, но это связано с особенностями их дара и тем, что они легче всего образуют семьи.

– Еще бы, – неслышно хихикнул Ван. – Есть у нас один знакомый Изумруд, которого прямо хлебом не корми – дай порезвиться…

– Вань, придержи-ка свой длинный язычок, – недовольно отозвался Бер. – Сам знаешь – я не могу это контролировать.

– А ты постарайся. Не думаю, что тебе стоит повторять здесь свои столичные подвиги – местные леди могут этого не понять.

Изумруд насупился и промолчал, а Ван перехватил быстрые взгляды от Алых и осекся.

– Это правда, – с совершенно непроницаемым лицом кивнул Раэрн. – Пока вы выглядите как чужаки, любые намеки в эту сторону могут быть рассмотрены как оскорбление. Мой господин, простите за наглость, но можно задать вам один вопрос?

Ас вздохнул.

– О том, почему мы не знаем таких важных вещей?

– Да, – настороженно кивнул Алый, обменявшись с собратьями еще одним быстрым взглядом.

Шетт… но деваться некуда: вопиющая безграмотность Теней настолько очевидна, что ее не удастся скрыть никакими уловками. Им срочно нужна была информация о местных порядках. И информаторов лучше, чем эти странно преданные скароны, внезапно решившие, что амулет клана дает Асу какие-то особые права, пожалуй, не найти.

Сложность в другом: не принесет ли такая откровенность проблем?

– Это долгая история, – наконец отозвался Ас. – Нас долго не было дома. И в силу ряда обстоятельств наша память лишилась многих сведений, которые когда-то были для нас естественными.

– В ваших дейри есть следы Тени…

Ас кивнул.

– И это – главная из причин. Хотя, конечно, не единственная.

Алые нахмурились, заколебались, едва не заставив Теней всерьез забеспокоиться, но потом Раэрн снова повернулся и очень осторожно спросил:

– Чем мы можем помочь вам, господин?

Ас, едва не решивший, что зря согласился на его присутствие, перевел дух. Все же система подчинения скаронов – это нечто невероятное. Даже в такой двусмысленной ситуации Алые не струсили и не отвернулись от чужаков. Кажется, их вера в амулет была настолько велика, что даже полнейшее незнание пришельцами законов не смогло ее смутить.

Шетт. Неужели они настолько чтут своих повелителей? И неужели для них настолько важен тот долг, который тянется еще с Рейданы?!

– Расскажи то, что знаешь, – негромко попросил Ас, мысленно поражаясь покладистости сородичей. – И начни, пожалуй, с воинских чинов…

Под тихую размеренную речь Бер потихоньку разглядывал проплывающие мимо дома. С любопытством глазел на тщательно выбеленные стены, напрочь лишенные каких бы то ни было украшений; на узкие окна, больше похожие на бойницы; плоские крыши, крохотные балкончики, высокие заборы, через которые не вдруг и перемахнешь; невероятно узкие улочки, сливающиеся друг с другом в самый настоящий лабиринт… и мысленно поражался. Если присмотреться повнимательнее, то становилось ясно, что стены у домов не просто каменные, а еще и невероятно толстые, как будто заранее рассчитаны на удары тарана; крыши исключительно черепичные, а местами покрыты каким-то особым составом, чтобы стрелами было просто так не поджечь; улицы не просто узкие, но еще и путаные, извилистые – в любой момент можно юркнуть куда-нибудь и надолго пропасть из виду. А можно незаметно обойти врага с тыла и неожиданно ударить. Прямых путей и широких проспектов, как в столице Валлиона, здесь вообще не водилось. Чтобы куда-то попасть, следовало предварительно поплутать, попетлять и при этом чудом не заблудиться. Неудивительно, что до нужного места им пришлось добираться почти два оборота. А если учесть, что на каждом доме стояла магическая защита… и это в квартале, где жили только чужаки…

Мм-м-м…

Бер почувствовал, что совсем не прочь задержаться тут подольше. Причем чем дальше они углублялись в нескончаемый лабиринт улиц, тем больше они ему нравились. И, что удивительно, для него совершенно не составляло труда ориентироваться. Он откуда-то прекрасно знал, где находится наружная крепостная стена, где центр, а где… и это почему-то вызывало в душе непонятное беспокойство… поселились его сородичи. Те самые Изумруды, про которых он так много слышал, но с которыми в действительности еще ни разу не встречался.

А еще его беспокоило ощущение присутствия поблизости чего-то магического, большого и почти разумного. Чего-то, что, как ему казалось, пристально наблюдает за ним издалека. И от этого непонятного ощущения по коже то и дело пробегали волнительные мурашки. Не пугливые, не тревожные, не панические, а именно что волнительные. Как у влюбленного парня перед встречей с красивой девушкой. Причем объяснить подобное состояние Бер никак не мог, но именно поэтому оно его и беспокоило. Особенно тем, что усиливалось всякий раз, когда ему доводилось обратить внутренний взор в сторону громадного облака чужих дейри, зависшего над облюбованным Изумрудами кварталом.

– Эй, не спи! – вдруг толкнулся локтем Ван, заставив брата очнуться от наваждения. – Или опять о бабах мечтаешь?

Бер хотел было огрызнуться, но усилием воли заставил себя смолчать. Рассказывать о своих ощущениях он посчитал преждевременным. Кроме того, что в какой-то момент понял, что ОЧЕНЬ хотел бы посмотреть на настоящего Изумруда. Зачем, для чего – сам не понимал, однако желание все равно оставалось. Необъяснимое, иррациональное, но весьма настойчивое.

– Да что с тобой? – потихоньку шепнул Ван, внезапно почувствовавший, что брату опять не по себе. – Что опять случилось?

– Потом, – мотнул головой Изумруд, краешком глаза покосившись на манящее облако. – Дома объясню.

Ван нахмурился, но настаивать не стал. Только сделал Гору выразительный знак и на всякий случай остался поблизости, опасаясь повторения истории у ворот. Все же Бер без нужного амулета чувствовал себя неуверенно. Они все это заметили после отъезда из Рейданы. И пусть остальные находились не в лучшем положении, пусть ко всему этому добавлялось беспокойство за друзей, все равно – Бер переносил разлуку гораздо тяжелее. А когда на горизонте показался Скарон-Ол, его вообще как подменили.

«Держись, брат, – мысленно шепнул Ван, незаметно сжав плечо Изумруда. – Держись, скоро будем на месте…»

Бер чуть кивнул, показывая, что услышал, но снова не проронил ни слова. И до самого конца этой продолжительной поездки был ненормально задумчив, невнимателен и очень рассеян. Причем настолько, что даже глазом не повел в сторону прохожих, среди которых в какой-то момент начали попадаться очень даже симпатичные девицы.

Гор, какое-то время пристально наблюдавший за ним, сперва обеспокоился, но потом понял, что зря. Кажется, Бер не собирался делать глупостей. А если и погрузился в непонятную задумчивость, то что ж – всем им сейчас не по себе. И всех грызла тревога за побратимов. Каждому требовался пресловутый амулет, обещающий обуздать непонятные магические способности. Причем если Изумруд в случае срыва грозил просто выдать их с головой, Ван был способен затопить половину города, а Ас мог всего лишь устроить грандиозный пожар, то касательно своих возможностей Адамант еще не определился. И не понял, какие именно чувства вызывала в нем незнакомая прародина. Кроме, пожалуй, того, что обычно дремлющий брат-Тень на этот раз слишком долго не желал возвращаться обратно и нет-нет, да обдавал изнутри неприятным холодком иного мира. Или беззвучно шептал что-то на абсолютно незнакомом языке, время от времени заставляя поглядывать по сторонам, чтобы убедиться, что это простое наваждение.

«Следи за собой, – в какой-то момент стал различимым потусторонний голос в голове. – Если сорвутся твои братья, город пострадает, но устоит. Если сорвешься ты – он неминуемо погибнет».

Гор вздрогнул: шетт… никогда раньше Тень не была так сильна! В Рейдане, едва проснувшись, он ощущал брата довольно смутно, каким-то непонятным образом улавливая его желания. Потом это чувство стало отчетливее. А сейчас – голос?!

«Брат?!»

«Запомни, Адамант: твоя сила – это сила Тени, – отчетливо повторила Тень, заметно окрепнув и снова обдав его изнутри легким холодком. – Если ты пожелаешь, то все, что тебя окружает, исчезнет. А следом исчезнешь и ты сам, потому что жить в Пустоте не способен ни один человек».

«Так я уже давно не человек», – машинально отозвался Гор.

«Глупец! – неожиданно зло прошипел в ответ призрачный брат, и холода в груди Адаманта стало гораздо больше. – Пока чувствуешь, ты – человек! Пока способен переживать, любить, бояться! Лишь когда надежда окончательно угаснет, чувства покажутся бесполезными, а чужая боль станет безразличной, только тогда от тебя не останется ничего человеческого!»

«Брат…»

«Никогда не забывай, кем ты был! – рыкнуло сердито в голове. – И подумай о том, кем ты можешь стать, если посмеешь от себя отказаться!»

Гор озадаченно нахмурился. Он не ощущал себя человеком в полном смысле этого слова уже больше сотни лет. А когда понял, что не сможет прожить без подпитки извне, это чувство выросло настолько, что он едва не начал считать себя чудовищем. Правда, Гайдэ сумела на какое-то время сгладить это мерзкое ощущение, но сейчас Ишты не было, и в преддверии грядущих дней наедине с вечно голодной Тенью оно снова начало потихоньку расти.

«Это неправильно, – рыкнул брат-Тень чуть потише. – Не ты один связан с Тенью. Мы все такие. Просто другие переносят ее присутствие легче, но это лишь потому, что они слабы!»

«Думаешь, я этому рад?», – невесело хмыкнул Гор.

«Ты должен не радоваться, а понимать разницу! И помнить о том, что за ошибку придется расплачиваться!»

«Я помню, брат. Всегда об этом помню, поверь… Скажи лучше, что с нами происходит? У меня такое чувство, что мы стали другими: Бер уже который час на взводе, Ас, напротив, чересчур доверчив, а я впервые за много лет вспомнил, что такое страх. Один Ван пока в порядке, но надолго ли?»

«Сапфиру везде хорошо и удобно, – так же внезапно успокоившись, шепнул брат. – Спокойствие океана нелегко поколебать, для этого требуется нечто большее, чем простая смена обстановки. Это – одна из особенностей его силы. А на вас так действует близость кланов».

«Почему?» – непонимающе спросил Гор.

«Потому что вы свободны. Вы не в кланах. И потому, что кланы, наоборот, стремятся вобрать вас в себя».

«Не понимаю…»

«Истинная сила скаронов не в оружии, – негромко, но весомо откликнулась Тень. – Запомни: наш народ по-настоящему силен лишь своим единством. Не магией, не адароном… Клан – как семья. Его воины – как братья. Быть в клане – физическая потребность, потому что он дает уверенность, силу, общность взглядов и, конечно же, защиту. Для всех, кроме вас. Но вы тоже – скароны. Когда-то вы были в кланах. Ощущали эту уверенность, слышали своих братьев, чувствовали их поддержку и помощь. Ваши души не успели это забыть, поэтому сейчас тебя так тянет вперед. И поэтому же, оставшись в одиночестве, вы с братьями инстинктивно принялись искать замену. А нашли… друг друга».

Гор ошарашенно замер.

«Что?!»

«Воины других кланов редко могут похвастать кровным родством, – со странным смешком согласилась Тень. – Но у вас не оставалось выбора: вы не привыкли жить вне кланов. Каждый из нас в такой ситуации ищет тех, на кого можно опереться. А оказавшись в Тени, вы сделали то единственное, что могло вас спасти – объединились. Создали свой собственный клан. Вы – четверо».

Адамант поперхнулся.

«Вы стали братьями не столько по крови, сколько по духу, а это иногда значит больше, чем просто семья. К тому же вас привязал друг к другу Знак Ишты, а это уже серьезнее. Неужели сам не чувствуешь?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/lisina_aleksandra/mertvaya-dolina-tom-pervyy

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить